

ЧТО ЗА ПРЕРРЕСТЬ
ЭТИ СКАЗКИ!!!

Издательство
© С. А. Ефремов 2011
www.izdatelstvo.ru

ISBN 24

УДК
ББК

Авт ЗН

Подготовлено к печати
Медународным Союзом Русскоязычных Писателей

Авт ЗН Медународный Союз Русскоязычных Писателей
Что за прелесть эти сказки. – М., 2020. – 98 с.

ISBN 978-5-00000-000-0

УДК
ББК

Редактор - Ирина Коробейникова
Вёрстка - А.Новиков

ISBN 978-5-00000-000-0

© МСРП, 2020

Оглавление

Ирина Арсентьева	8
Цветок папоротника.....	8
Анютины глазки.....	12
Бархатцы.....	15
Не забуду.....	18
Мария Целуйко	26
На Кудыкиной Горе.....	26
Кикимора болотная.....	30
Любящие сердца.....	32
Девки и Леший.....	35
Кристина Шестакова	37
Тихо падал снег.....	37
Константин Соловаров	55
Непослушный заяц.....	55
Елена Долгих	60
Сказка про Бабу Ягу.....	60
Татьяна Аникеева	65
Сказка.....	65
Виктор Бабарыкин	69
Май, 2099 год.....	69
Алиса Крупнова	74
Руто – Ти.....	74
Лариса Литвинова	77
Подарок.....	77
Наталья Резанович	78
Злодей лесной.....	78
Юлия Марченко	80
Влюбленный медведь.....	80
Надежда Майорова	82
Сказка про лису и серого волка.....	82
Ирина Сергеева (Богуславская)	86
О капусте.....	86
Птица Счастья.....	87
Ольга Бажина	88
Песенка о Бабе Яге.....	88

Сказка о звездопаде.....	89
Елена Белоусова.....	91
Волшебство.....	91
Зов природы.....	94
Виктор Зубарев.....	98
Глупости.....	98
Другой мир.....	103
Андрей Пучков.....	108
Совершенная защита.....	108
Игорь Ильницкий.....	122
Цветочный гном.....	122
Царёк.....	126
Юрик (Юрмет) Нагиев.....	129
Маленькая фея.....	129
Семейная записка или Пополнение семейного бюджета.....	132
Алона Китта.....	136
Крест княгини Ольги.....	136
Мария Осташова.....	138
Бука. Сонный фей.....	138

Каждый год 6 июня, с 1997 года, в России отмечается Пушкинский день. Именно в этот день в 1799 году, в Москве, в дворянской усадьбе Пушкиных, родился мальчик, которому суждено было стать одним из величайших поэтов России. Литературное творчество великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина сопровождает нас на протяжении всей жизни.

С его сказками мы начинаем знакомиться, еще не научившись читать. Все волшебно в сказках Пушкина! Стихи его прекрасны! Читаешь их, и они поднимают тебя над землей, видишь все, о чем написал. Как много в его строках тепла, сердечности, золотистого света. Они звучат, как музыка...

Сказка – один из любимых жанров А. С. Пушкина. Простонародные сказки его няни он ставил в один ряд с «высокими» литературными жанрами: «Что за прелесть эти сказки, каждая есть поэма!» – и советовал молодым писателям читать сказки, чтобы «видеть свойства нашего русского языка». Даже в его повестях, романах и поэмах нередко сквозят сказочные мотивы и сюжеты.

Для многих русских писателей и поэтов сказка служила источником творчества, любви к своему народу, к окружающему, ощущения таинственности и красоты природы. Сказки являлись своеобразным инструментом обучения и целительства, средством народной психиатрии задолго до того, как психотерапия получила свой статус. В сказках и притчах в образной форме показывается, как человек может помочь себе преодолеть различные невзгоды и трудности, сделать свою жизнь полноценной, оставаясь при этом самим собой.

Сказка – это честная выдумка, честный вымысел. Удивительно то, что это не уменьшает ее способности отражать жизнь, а скорее увеличивает его. Сказка покоряет богатством вымысла, своими образами, удивительным переплетением фантастического и реального. Герои сказок летают на коврах-самолетах, за одну ночь осушают болота, строят дворцы, побеждают чудовищ и в то же время ничем не отличаются от обычных людей. Это удивительное сочетание правды и вымысла.

В сборнике представлены сказки, мифы, легенды, эпос современных авторов – участников Международного литературного конкурса «Что за прелесть эти сказки», посвященного дню рождения А. С. Пушкина. Рекомендован для совместного семейного чтения.

Организатор конкурса – Ирина Коробейникова.

Ирина Арсентьева

г. Караганда, Казахстан

Цветок папоротника

Вам, где ели опускают свои ветви, похожие на мохнатые лапы, так низко, что только редкие солнечные лучи проникают сквозь них, там, где всегда сыро и прохладно, родился Папоротник. Он был похож на маленький зеленый завиток, который с любопытством оглядывался вокруг. Очень ему хотелось завести себе друзей. Но кроме темно-зеленых овальных листочков рядом с собой он ничего не обнаружил. «Ну, о чем можно разговаривать с этими листиками?» – подумал Папоротник.

Проходили дни, и вскоре Папоротник превратился в первого красавца в лесу. Он раскинул в стороны прекрасные листья, тонкие и трепетные, похожие на елочки, вырезанные из зеленой бумаги.

Висточки, которые соседствовали с Папоротником, тоже подросли, стали гуще и однажды, неожиданно

для всех, выпустили длинные тонкие стрелки, усеянные белыми круглыми бусинками.

Папоротник удивленно поглядывал на своего соседа и некоторое время все еще был абсолютно уверен в своем первенстве среди лесных растений. Однако уверенность его в своей красоте и неотразимости исчезла, как только лопнули бусинки на тонких зеленых стебельках. Они превратились в необыкновенные, слегка подрагивающие фонарики, и напоминали изящный фарфор. От аромата, который нежным шлейфом выплывал из фонариков, у Папоротника кружилась голова. С этого дня он потерял покой и сон. А вскоре, несмотря на гордость, все-таки принял решение познакомиться с обладателем этого прекрасного запаха.

– Я – майский Ландыш, – представился сосед, и кисточки с фонариками задрожали. – А ты кто?

– Я – Папоротник! – гордо заявил о себе лесной красавец.

– Твои листья великолепны, я никогда не видел таких красивых перистых листьев. А какие у тебя цветы? Мои цветочки не очень яркие, зато очень пахучие. Наверное, твой цветок необычайно красив, ведь все считают тебя писанным красавцем, – быстро-быстро заговорил Ландыш.

Призадумался Папоротник. Думал несколько дней и ночей, чем же удивить любопытный Ландыш, который каждый раз, как наступало утро, интересовался цветком нового знакомого. Не хотелось Папоротнику в чем-то уступить маленькому Ландышу. Но уступить придется, если он не найдет выхода из сложной ситуации.

Однажды ночью, когда Папоротник вновь решал неразрешимую задачу, где добыть для себя цветок, внутри пучка его листьев кто-то начал копошиться, чихать и бормотать.

– Ты кто? – спросил Папоротник незваного гостя и нахмурился.

– Да Светлячок я, кто же еще!!! Сейчас почищу свой фонарик и дальше полечу, – маленький жучок фыркал и перебирал лапками.

– Фонарик? У тебя есть фонарик? – воодушевился Папоротник, как только услышал это слово.

– Конечно, есть. У всех светлячков есть фонарики, которыми они освещают себе дорогу. А тебе-то что за интерес?

Всю ночь до самого утра Папоротник шептался со Светлячком. Тот только покачивал головой и задумчиво поглядывал на спящий неподалеку Ландыш.

Нуже следующим вечером, как только солнце опустилось за горизонт, о чудо! На папоротнике распустился «огненный цветок». Он становился то ярче, то бледнее, и казалось, что это костер горит в темноте, а искры его отскакивают в разные стороны.

Вак у Папоротника появился ночной «огненный цветок», дружная семейка светлячков обрела свой собственный дом в густых листьях, а Ландыш, наконец, удовлетворил свое любопытство. Он так и не догадался о том, что цветка у Папоротника нет и быть не может, ведь папоротники не цветут.

Ато с того самого времени многие ищут «огненный цветок» папоротника в густых лесных зарослях, чтобы

найти клад, якобы зарытый поблизости. Никому, правда, пока не удалось найти этот цветок, зато каждый приносит из леса маленькие букетики ароматных белых фонариков.

Анютини глазки

 ила-была на свете Анютка – девчонка смышленная, очень любопытная и развитая не по годам. Жуть, какой непоседой она росла! Да вот беда – была она слепой от рождения. Но не в этом было ее несчастье. Анюта и семь ее братьев рано лишились матери, а отец до срока женился на другой. Да и сам недолго пожил – ушел вслед за женой. Мачеха детям попалась злая, хитрая и сразу после смерти отца решила избавиться от них. Стала нагружать их тяжелой работой. У тех времени даже на отдых не оставалось, а тем более на игры. Анюткиных братьев мачеха еще кое-как терпела, ведь они работали не покладая рук. А вот падчерицу люто ненавидела за то, что та могла работать только в саду, да и то собирала фрукты в корзинку исключительно наощупь. Часто случалось, что девочка оставляла на ветках зрелые яблоки и груши, а те портились. А еще невзначай наступала на них, раздавливая ногами всмятку.

 этом и заключалось детское горе – в отсутствии родительской любви. Анютка, добрая душа, как могла, выполняла все мачехины поручения. Никогда не таила обиды и постоянно приставала к той с расспросами – «что, да как». Очень уж ей хотелось узнать какого цвета небо и солнце, листва на деревьях и цветы в поле, какие люди живут поблизости, как выглядят и чем занимаются. Мачеха только отмахивалась, некогда мол. «Иди, работай!» – говорила она и придумывала очередное задание, труднее прежнего.

Счастье посещало Анютку редко – только тогда, когда братья возвращались с пастбища, где пасли коров, с покоса травы или из леса, где заготавливали дрова на зиму. Вот тогда-то Анюткино любопытство было удовлетворено сполна. Братья наперебой рассказывали сестре о том, что видели, и отвечали на все ее вопросы. Именно они стали ее глазами и открыли неизвестный мир, наполненный не только звуками, но и красками.

Узнала об этом мачеха и пошла к колдунье, чтобы та навела порчу на братьев. Колдунья за большую плату применила самое сильное свое заклинание и превратила братьев в безликие, бесцветные маленькие цветочки.

С той поры цветы поселились неподалеку – в саду, где работала Анютка. Поздним вечером после захода солнца девушка всегда выкраивала несколько минут, чтобы полить клумбу из лейки и поговорить с «братчиками». Так она стала их называть. Но «братчики» ничего не отвечали сестре, ведь они навсегда остались безликими, а потому и безмолвными.

Сорькие слезы день за днем, год за годом лились из незрячих глаз девушки; и каждая слезинка, падающая на лепестки, раскрашивала их в яркие цвета. Упало на цветы и несколько черных от горя слезинок. Они-то и стали цветочными глазками.

И как только «раскрылся» последний глазок, Анюта вдруг тоже прозрела и встретила взглядом со своими любимыми братьями. Теперь у них появилась возможность переглядываться друг с другом. И взгляды

эти были гораздо выразительнее любых слов. А «братчиков» с тех пор стали называть «Анютиными глазками» в честь беззаветной сестринской любви.

Бархатцы

В недавние времена на земле стояли дворцы, в которых жили короли, королевы, принцы, принцессы и их придворные. Залы этих дворцов сверкали и переливались разноцветьем огней хрустальных люстр. Миром правили драгоценности, кареты и золотые троны.

Била в те времена семья потомственных портных. Все мужчины этого рода были мастерами своего дела, но особым талантом выделялся среди братьев Баррокан. Как только материал, ножницы и иголка с ниткой оказывались в его руках, происходило чудо. На глазах у всех отрез ткани приобретал замысловатые формы и уже через несколько часов превращался в необыкновенный наряд. Слава об этом мастере быстро облетела окрестности и добралась до дворцовых ворот самого большого города. Баррокан вскоре разбогател, ведь его сразу назначили главным придворным портным и доверили шить удивительной красоты платья с корсетами и камзолы для самых знатных людей. В мастерских его работало множество золотошвеек, кройщиков и гладильщиц. Работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Голова Баррокана постоянно была занята единственной мыслью – чем бы удивить величественных особ. Он забыл свой дом и совершенно не вспоминал о своих братьях и матери, которые жили бедно и перебивались с копейки на копейку. Он даже не предложил им работу в своих мастерских. Так высоко вознесла его слава.

Как-то привез Баррокан из заморских стран удивительную ткань цвета бордо, мягкую и шелковистую

наощупь. По его мнению, именно она должна была стать символом богатства и величия. А платья и костюмы, сшитые из бархата, как он считал, смогли бы вознести его до самых небес. За большие деньги он купил и привез вместе с тканью секрет ее изготовления. Теперь в мастерских установили и ткацкие станки, а также наняли целую армию ткачей. Бархатные полотна, словно воды рек, заполняли кладовые комнаты, скручиваясь в огромные рулоны. Баррокан стал единственным владельцем технологии изготовления бархата в своей стране.

Узнали братья об удивительной ткани и решили попросить у Баррокана один отрез, чтобы сделать подарок матери – пошить платье, которого у нее никогда в жизни не было. Это, по их мнению, могло порадовать старушку и сгладить отношения с забывшим ее сыном.

От и отправились они к дворцовым воротам, чтобы увидеться с братом. Однако тот даже не вышел навстречу. Пришлось бедным родственникам передать свою просьбу через слуг. Слуги вынесли сверток, который без слов вручили просителям. Братья, обрадованные, не стали сердиться на Баррокана, объяснив его отказ встретиться большой загруженностью работой.

Братья вернулись домой и стали рассказывать матери о том, что теперь с помощью Баррокана они смогут сшить для нее платье, какое носит сама королева. Развернули они сверток, чтобы показать матери бордовый бархат, и разом ахнули. На пол посыпались маленькие обрезки богатой ткани.

Бог Справедливости, увидев все это с небес, так рассвирепел, что наслал огромной силы пламя на мастерские Баррокана. Вспыхнул пожар, который в одночасье поглотил и ткацкие станки, и ткани. Горячие языки пламени в одночасье слизали все на своем пути. Люди едва успели спастись. В один момент Баррокан из богатейшего человека превратился в нищего – у него ничего не осталось, даже катушки ниток.

Теперь Баррокан никому не был нужен, от него отвернулись и король, и королева, и придворные, и даже слуги. Горе Баррокана было безграничным; вскоре печаль и тоска сделали свое черное дело – обедневший портной заболел и умер.

Мать с сыновьями, несмотря на то, что Баррокан отвернулся от них, очень горевали и простили его за все его грехи. Из лоскутков ткани, доставшихся им от великого портного и в память о нем, они изготовили множество бархатных цветов и украсили ими могилу.

Материнские слезы были такими горячими, что Бог Справедливости сжалился над бедной старушкой и вдохнул жизнь в тряпичные цветочки. В тот же миг они ожили, проросли и зацвели буйным цветом, источая волнующий запах.

С тех пор эти цветы стали носить название «бархатцы». А бархат иногда называют «баррокано», вспоминая великого портного, который пострадал из-за своей жадности.

Не забуду...

Зам, где сливаются водами Индийский и Тихий океаны, среди многочисленных островов есть один необитаемый. Это место, окутанное тайнами, люди считают опасным и редко посещают его. А вот птицы чувствуют себя полноправными его хозяевами. Так было и сотни лет назад.

В давние времена остров Жаку был огромным. Остроконечные скалы частоколом окружали его и, обозначая границы, напоминали стрелы в колчане лучника. Морская пучина скрывала большую часть острова и оставляла ее незаметной. Гигантские птицы Жак облюбовали это место и населили его. Тяжелые черные крылья поднимали птиц в небо и заслоняли солнце. Зеленые глаза при малейшем освещении поблескивали, а багровый зрачок магически расширялся. На голове, которая несла уродливый крючковатый клюв, торчало антеннами несколько общипанных перьев. Шея и вовсе была голой; пупырчатая кожа мертвенно-землистого цвета покрывала ее гофрированными складками. Они отвратительно сжимались и разжимались. Казалось, шея жила самостоятельной жизнью, что вызывало панический ужас. Пение птиц, напротив, было волшебным. Едва первые солнечные лучи касались скалистых вершин, с острова начинали доноситься завораживающие звуки и не стихали до самой темноты. Моряки, очарованные чудесным пением, цепенели, и корабли теряли курс, оставшись без управления. Гребневидные волны прибивали корабли к берегу, и те вспарывали днище о пики скал, погру-

женных в воду. Птицы Жак хватали тонущих моряков когтями крепких лап и переносили в свое царство.

Среди непролазных зарослей, в самом центре острова, располагалось логово птиц. Здесь, в каменных гнездах, лежали птичьи яйца и копошились вылупившиеся птенцы. Они широко открывали безобразные клювы и истошно верещали, требуя пищи.

Моряки, попавшие на остров, забывали обо всем на свете, слушая колдовское пение птиц. Постепенно они превращались в безвольных рабов и не могли вспомнить ни имен, ни лиц, ни событий прошлых лет. Наиболее сильные из них очищали остров от птичьего помета, разгребая зловонные кучи и сбрасывая их в залив. Другие таскали камни и строили из них гнезда. Ослабленные и раненые становились кормом для птиц и птенцов. Птицы взлетали, держа свою жертву в когтях, и с высоты бросали ее на горные пики, чтобы раздробить кости. Человеческие останки валялись по всему острову...

... Однажды из гнезда выглянул необычный птенец. Он только что вылупился и с любопытством тарасил по сторонам огромные лиловые глаза. Птенец был покрыт белым пухом, и это отличало его от остальных птиц на острове. В первый же день жизни он отказался от мяса, отдав предпочтение сладким плодам и листьям растений, что вызвало недоумение у его сородичей. Так среди черных дьяволиц выросла белая их противоположность. К всеобщему разочарованию она родилась безголосой, и петь не могла. Сородичи возненавидели белую птицу и старались не брать ее с собой. Но в этот раз она стала свидетелем крушения

судна и так же, как остальные птицы, подхватила раненого моряка сильными лапами. Втайне от всех она спрятала его среди скал. Спасенным был двадцатилетний Феликс.

 Феликс, сколько себя помнил, жил с матерью на берегу моря в большом доме, построенном его отцом и рано покинувшим этот мир. Мать вырастила и воспитала сына одна. Смерть мужа не сломила ее; она была сильной духом и очень мудрой. Когда Феликс привел в дом жену, мать с радостью приняла ее. Но отношения невестки и свекрови не заладились с первого дня. Жена попалась Феликсу сварливая и хитрая. Она всегда была чем-то недовольна и постоянно жаловалась ему на мать, наговаривая на нее, обвиняла в придирках и строила всевозможные козни.

 Скорее она выставила свекровь из дома, чтобы та не мешала ей своим присутствием. Феликсу ничего не оставалось делать, как устроить для матери комнату в маленьком сарайчике, где она и проводила все время. Женщина не роптала и приняла такое решение со смирением. Она нашла успокоение в рукоделии и днями занималась вышивкой.

 Феликс тоже работал с утра до позднего вечера. Разгружал и загружал торговые суда, чинил рыболовные сети, доставлял свежую рыбу торговцам, занимался ремонтом лодок и кораблей. Его жене денег всегда не хватало – она была транжирой и не могла вести домашнее хозяйство. Она настояла на том, чтобы муж записался моряком на корабль. Слухи об исчезновении морских судов ходили давно, но это не остано-

ло ее. Моряки, по ее сведениям, очень хорошо зарабатывали.

Нак-то Феликс пришел к матери сам не свой от отчаяния и, прерываясь от волнения, сказал:

– Мама, я пришел проститься с тобой... Я записался на корабль... Завтра утром он уходит в море.

Он говорил и мерил маленькую комнату широкими шагами.

– Что ж, сынок... Свой путь ты должен пройти сам. Как мне не тяжело отпускать тебя, я должна это сделать... – морщинистая рука нежно гладила волосы сына. – А за меня не переживай, я буду ждать твоего возвращения. Надень в дорогу вот это. – Она протянула только что расшитую голубыми цветами рубашу и вытерла навернувшиеся слезы.

Поцеловав сына, она перекрестила его и благословила в дальнейшее плавание:

– Не забывай нас, сынок...

... Феликс очнулся от страшной боли; казалось, что его голову сжимали тиски. Он не мог пошевелиться и только водил глазами в надежде что-нибудь понять. Он лежал в каменной расщелине на подстилке из сухих листьев и смотрел в ночное небо. Луна и звезды вдруг качнулись, затем их очертания расплылись, и Феликс вновь впал в глубокое забытие. Когда он в следующий раз открыл глаза, то увидел перед собой голову огромной белоснежной птицы. Она, не мигая, всматривалась в изможденное лицо Феликса и пыталась напоить его из клюва. Щеки Феликса лихорадочно горели, а рот пересох от боли и жажды.

– Кто ты? – тихо спросил он, и в глазах его появился страх. «Не бред ли это?» - подумал он.

– Не бойся меня, юноша. Я птица Жак. Твой корабль разбился о скалы острова. Мои сородичи хотели расклевать твоё израненное тело – такой у них закон, но я спасла тебя.

– Я ничего не помню! Я даже не знаю, кто я, – только и смог сказать Феликс; каждое слово давалось ему с большим трудом и отнимало силы.

– Это не связано с твоим ранением. Ты потерял память из-за их пения. Слышишь его?

 Феликс слышал эту дивную мелодию сквозь сон, но думал, что ему это только снится.

– Скоро ты сможешь встать на ноги, – продолжала белая птица, раскладывая перед Феликсом сочные ягоды и мясистые листья. – И тогда твою жизнь никто уже не сможет отнять. Ты останешься жить на острове вместе с другими моряками.

 Прошло несколько дней, и Феликс набрался достаточно сил, чтобы самостоятельно передвигаться. Фрукты утоляли его голод, а травы залечили раны. Он ждал появления белой спасительницы, но та не появлялась. Ближе к ночи Феликс услышал громкий стон. Он вылез из расщелины и увидел распростёртую на земле птицу, белое оперенье которой стало алым. Кровавая дорожка тянулась змейкой за птицей.

– Что случилось? – Феликс пытался поднять голову птицы и заглянуть ей в глаза.

 Она была жива. Не дожидаясь ответа, Феликс начал закрывать кровоточащие раны своей одеждой. Нога птицы пострадала больше всего, и Феликс по-

думал, что ему не справиться с раной. Он разорвал рубаху на полоски и перебинтовал ногу птицы. Ткань была плотной, и вскоре кровотечение прекратилось. Птица открыла замутненные глаза и благодарно посмотрела на Феликса. На следующий день она смогла рассказать о том, что произошло на острове. Черные птицы выследили и узнали, что белая скрывала от них. Они клевали ее и рвали когтями до тех пор, пока она не перестала шевелиться. Только ночью ей удалось доползти до Феликса. Теперь он поил и кормил птицу.

– Тебе нельзя здесь оставаться, - птица встревожено посмотрела на Феликса, перевязывающего рану. – Они все равно рано или поздно обнаружат тебя и тогда точно заклюют до смерти.

– Сердце подсказывает мне, что я должен куда-то вернуться, но я ничего не могу вспомнить, – Феликс нервно затягивал ткань на ноге птицы. Он вот уже который день силился восстановить в памяти картины жизни до кораблекрушения.

– Я знаю, как поступить! – воскликнула птица. – Скоро на острове все уснут, и ты сможешь вспомнить что-то из прошлого. Вытяни все голубые нитки вышивки из ткани и завязывай узелки у себя на руке. Некоторые моряки ночью вспоминали о прошлой жизни, но наутро, как только птицы начинали петь, вновь теряли память. Узелки помогут тебе не забыть то, что ты вспомнил.

 той же ночью Феликсу удалось вспомнить о кораблекрушении и обо всем, что ему предшествовало – свою несчастную мать, оставленную в одиночестве, бессердечную ненасытную жену, ради которой он бро-

сил дом, и сам дом, в котором он жил с самого рождения. Все голубые нитки были повязаны на руку, и до восхода солнца белая птица взмыла над островом. В лапах она крепко сжимала Феликса.

 Нитки сорвались с руки Феликса, как только он встал ногами на землю. Они проросли и превратились в мелкие голубые цветочки, напоминающие узелки. Феликс сорвал их и бросился в объятия матери с мольбой о прощении.

– Не забуду! Никогда больше ничего не забуду! – твердил он, рыдая от счастья. А белая птица Жак, поднявшаяся высоко в небо, долго махала ему крылом, пока не скрылась из вида.

 Феликс снова стал жить вместе с матерью в их большом доме. Жена сбежала с заезжим торговцем, не дожидаясь его возвращения. А голубые цветы, которых выросло во дворе видимо-невидимо, с тех пор стали называть незабудками.

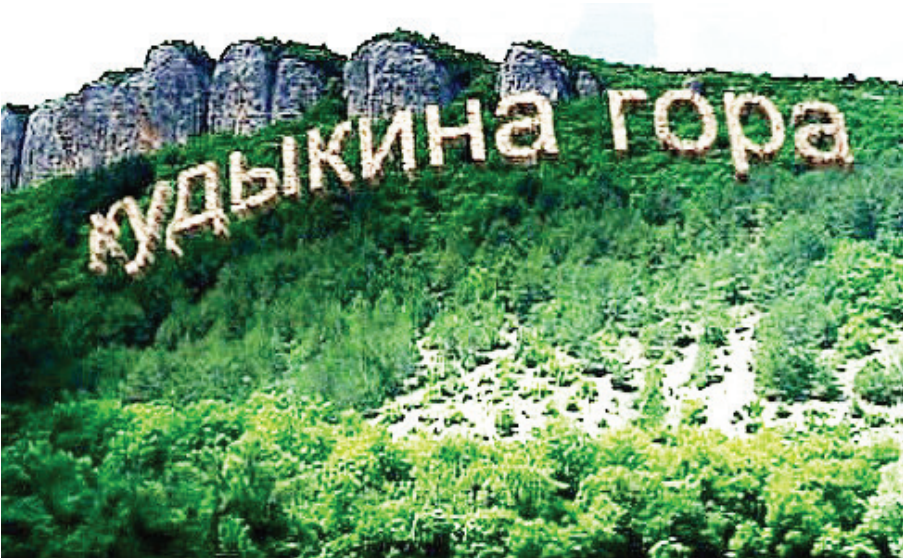

Мария Целуйко

г. Хабаровск

На Кудыкиной Горе...

**Дело было в сентябре...
На Кудыкиной Горе,
Раки с зорькой всех свистали
Да с постелей поднимали.**

**«Славный снимем урожай!» -
Вышел с лозунгом Бабай.
А за ним понуро шёл
Отпущения Козёл.
Отошли дожди и грозы...
Вышли Сидоровы Козы,
Стали весело скакать
Да капусту собирать.**

**Дед Макар, он здесь всех старше,
Отогнал телят подальше
Да с Учёным стал Котом,
Носить воду решетом.
Волки дружно прибежали,
Огурцы пособирали.
А Кикимора сама
Их солила допоздна.**

**Не отлынивал никто...
Ну, а серый Конь в пальто
Без поводыев и удил
Урожай в амбар возил.
Вёз поклажу по привычке
В царский дворик – на Кулички.
Добрый вышел урожай,
Закрома под самый край!**

**Не далёко от речушки
Проживал Иван в избушке.
Он до сказок был охоч.
Да любил царёву дочь.
Что сказать... Сама царевна
И его любила верно.
Согласился Царь-отец
Отдать дочку под венец...**

**Вот морковь на тёрке трётся...
Царь о свадьбе всё печётся.
Чтобы весь кудыкин мир
Поспешил на славный пир!
Потому и утром рано
Тыкву катят два барана.
Мёд в кадушках – через край,
В русской печке – каравай!**

**Царь на дочку всё глядит.
Дочь без дела не сидит.
Отдаёт свои приказы:
Налепить пельмени, зразы...
Поварам даёт урок,
Приготовить яства в срок.
Ну, а им не в первый раз
Исполнять такой приказ.
Свадьба скоро! Вот в чём суть:
Не присесть, не отдохнуть...**

**Длилась свадьба две недели,
Песни пели, яства ели.
Пир! Невеста! И жених!..
Пили мёд за молодых!
Дни и сутки напролёт
Веселится весь народ!
Для потехи, на смеху,
Подковал Жених блоху.
А царёва дочь-невеста
Не сидела всё на месте.
Словно пташечка порхала,
Пела песни, танцевала.
Веселится весь народ!
Свадьба царская идёт!**

**...Разный люд на свадьбе был,
Много ел и сладко пил,
Да и мы там с вами были,
И плясали, и чудили!
Там кисельная река
Омывала берега.
А изба на курьих ножках
Растворяла в мир окошко.
Из окна на самом деле
Пироги на стол летели!**

**После свадьбы самолёт
Развозил домой народ.
Праздник сей неповторим!
Дай, Бог, счастья молодым!
Чтоб у них не задержалось....
По ребёнку в год рождалось!
Счастлив был сам Царь-отец –
Молодец и сказки чтец.
Сказка – ложь. Туман – роса.
Надо верить в чудеса!
Дело было в сентябре
На Кудыкиной Горе.**

Кикимора болотная

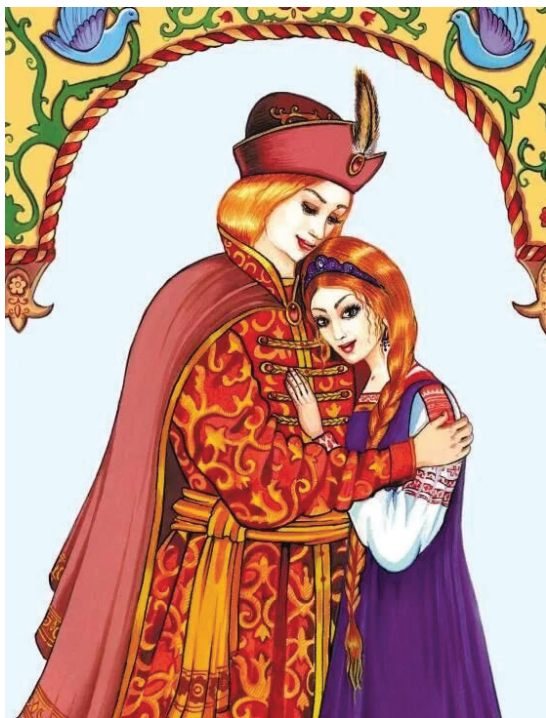
Как во каменных горах
У Кудесника,
На болотных покровках
Вдоль березника.
Подрастает и живёт
Им растимая,
Не вещунья - звездочёт,
А – Кикимора!
Как от раннего утра
И до вечера
Сказок, былей – мишура!
Слово въедчиво.
Тешит Кику Кот Баюн
Сладко сказками.
Умиляет говорун
Душу ласками.
Игры, жмурки во дворе

До полуночи.
Месяц в белом серебре
Тянет струночки.
В колыбельке с хрусталя,
Злом чернимая,
В лунном свете фитиля
Спит Кикимора.
Так семь лет она росла...
Горка косточек!
Голова малым-мала
Да с напёрсточек!
Неказиста, не мила.
А тонёшенька!..
Не румяна, не бела.
Вся чернёшенька!

Прямо с раннего утра
И до вечера
Всё стучит, гремит она!
Делать нечего...
До полуночи свистит.
Топь качается!
Как змея она шипит.
Злобно мается!
А кудельку-то прядёт
Всё напёрную.
Знает всю наперечёт
Травку сорную.
Ость-основушку снуёт:
Креп-шелковую.
Пряжу сучит и не рвёт
Джут-пеньковую.
По малинникам да мхам
Сети кинула.
И живёт не без греха
Там Кикимора.
По трясинам, по мари
Да болотами
Ходит, бродит до зари
С приворотами.
Захочет, обомрешь...
Баба злобная.
Ну, чего с неё возьмёшь?
Тварь болотная.
Среди зарослей густых
Как заухает!
Словно филин. В топь – бултых!
Тиной плюхает.
Нечисть баба. Низший дух.
Кожа зЕлена.

**Всё роняет шерсть да пух
Преднамеренно.
Глазки, словно фонари.
Да раскосые!
Не лицо, а волдыри.
Длинноносая.
Взглядом молодца сразит!
Коль отступится,
Тинной парня окружит...
Сходу влюбится!
И пугает, и смердит
Топь вонючая.
Ты болото обходи.
Дело случая...**

Любящие сердца

Чёрный лес стоит в тумане...
Против сказки не попрёшь!
Держит Лихо на аркане
В злат подкованную вошь.
Что червонцы, свет – подковы!
Золотые удила!
Лихо в сказочных обновах.
За спиною – два крыла.
Королевская карета
Уготована вчера.
Есть особая примета:
Облучок из серебра.
А ямщик-то... Красный Лапоть!
Вошь кусает удила...
Едет Лихо Жабу сватать!
Вот, такие вот, дела!
Хоть извилиста дорожка,
Путь, однако, так далёк!
Покатился от сторожки
Лихом брошенный клубок.
Коль пешком – устанут ноги...
Конь – не конь. Но скачет Вошь!
По полынной не дороге.
По прямой не обойдёшь!
Сердце бьётся и томится.
Мысли – роем без конца!
Чтоб успеть! И превратиться!
Жаба – в Деву. Он – в Купца.
Да к полудню, чтоб добраться,
Жабу вмиг поцеловать!
Вот тогда-то, может случиться,
Зло добром расколдовать!
Их, Кощей, к тому ж бессмертный,
За любовь околдовал.
Чтоб в разлуке быть посмертно.
Лихом, Жабой их назвал.
В небе молнии схлестнулись,
Раскатился в ядрах гром!

Тучи чёрные сомкнулись.
Поднялась земля бугром.
Не по замыслу Кощея
Жизнь груба и так стара...
Заклинаньем Берендея
Расступилась вдруг гора.
И предстало вмиг болото,
Словно гриб из туюска.
На болоте плачет кто-то.
В каждом вздохе – боль, тоска.
Ветер треплет камышинки,
Время медлить не велит.
Расступились вдруг былинки.
А в траве – Она сидит.
Жаба толстая, не дева...
Да тоска в ней горяча.
Не сестра, не королева.
Слёзы льются в два ручья!
Подхватил тут Жабу Лихо,
Стал безумно целовать!
Осторожно, нежно, тихо,
К сердцу страстно прижимать.
И болото осветилось!
Полумрак совсем пропал.
Жаба в деву превратилась!
Лихо вдруг купцом предстал!
Вошь уже – скакун горячий!
Лапоть – молодец – стрелец!
Зло погибло, не иначе.
Вот и счастье, наконец!
А домой вернувшись, оба,
Чтоб душой не унывать,
Поклялись в любви до гроба.
Стали свадебку играть.
Церковь с злато – куполами.
Молодых, да под венец!
И изба красна углами.
Двор широк. А дом – дворец.

**«За любовь! Любовь святую!» –
Люд кричал со всех сторон.
Уносился в даль седую,
Колокольный перезвон!**

**Я на свадьбе той бывала,
Состоялся пир горой!
Пела песни, танцевала.
Да пора и мне домой.
Так вот и соединились,
Двое любящих сердец!
Осчастливились, обжились.
Вот и сказочке конец!**

Девки и Леший

**Бродит Леший в темной чаще,
У него ужасный вид:
Нос во мху, глаза тарашит.
И не ходит... Всё кружит!
Он кружит вдоль косогоров
И не трогает старух.
В тёмный лес без разговоров
Он уводит молодых.**

**И грибами девок манит!
Ну, а им и невдомёк
То, что Леший их дурманит,
За собой ведя в лесок.
Раскудахтались девчонки:
«Ах, опята! Ах, груздки!»
И, смеясь от счастья звонко,
Набивают кузовки.
Оглянулись... С перепугу
Заслезились глаза.
Ну, а Леший их по кругу
Водит, водит, егоза!
Вдоль прошли по рыжей бровке...
Глядь, опять всё тот же вид.
Ну, а Леший, дикой совкой,
Как завоет! Закричит!
Девки плачут, причитают:
«Мы хотим к себе домой!»
Глаза Лешего сверкают,
Борода шуршит листвою.
Тут и вспомнили девахи,
Что не стоит и реветь.
Надо вывернуть рубахи,
На изнанку их надеть.
Глаз не сводит с девок Леший,
И забыл про приворот...
Он стоит, как третий лишний,
Широко разинув рот.
Девки фигушки казали!!!
«Вон деревня! Вон река!»
Будто вовсе не плутали.
Обманули Лешака!!!**

Кристина Шестакова

г. Санкт-Петербург

Тихо падал снег

Спектакль закончился, стихли бурные аплодисменты, но зрители не желали расходиться. Лика придвинулась поближе к Эвету и заговорила:

– Лакис опять не пришёл на премьеру. Снова этого тульпу своего прислал. Думала, уж детей на новогоднем празднике он порадует своим личным присутствием.

– Чем тебя двойник не устраивает? – спросил Эвет, стряхивая с плеч конфетти.

– Не знаю. Да хотя бы тем, что его видно насквозь, он ненастоящий! Ты разве не замечаешь? Тебя это не раздражает?

Девушка тряхнула головой, дунула на чёлку, и с её волос облачком слетели блёстки.

– Нет. И детей тоже. А почему тебя это раздражает?

Новая волна шума и оваций накрыла зал, когда блистательный тульпа Лакиса Хилла вышел на поклон. Лика отвела взгляд от сцены и пристально посмотрела

на Эвета. Он аплодировал, он не повернулся к ней и сохранял на лице свою обычную улыбку.

Девушка отвернулась, до боли стиснула зубы.

Представление закончилось, совсем стихли аплодисменты, но не шум – зрители направились к выходу и со всех сторон зазвучали возгласы родительниц:

– Его спектакли каждый раз что-то невероятное!

– И каждый раз на грани приличия! Но сегодня это было так трогательно и так мило! Такой праздник для детей!

– О, согласишься, дорогая, Хилл великолепен!

– А его отношение к малышам! О, Всемогущий Дар, уже только этим Лакис покорит любое женское сердце!

Лица почувствовала, как волосы на затылке начинают шевелиться.

– Знаю, считаешь что Лакис, не задумавшись, прикроется ребёнком, как щитом, от стрелы. Знаю, чем вызвана эта бессильная злоба, – прервал молчание Эвет, когда они вышли из зала. – Он мастер иллюзии, Лица. И он скрыл себя настолько далеко, что со всей твоей пронизательностью, тебе его не понять.

Лица тихонько зарычала.

– Конечно, куда уж мне! – ответила она. А про себя подумала: «Это только потому, что ты, ты Эвет, мне никогда, ничего не рассказываешь».

– Хм, а знаешь, идём со мной.

Он взял её за руку и повёл обратно в зал. Они поднялись на опустевшую сцену, зашли за кулисы. Прошли мимо пыльных гримерок и направились куда-то в боковой коридор, а затем вниз по витой лестнице без перил. Спускались тихо-тихо, медленно и осторожно, а

вокруг была такая плотная темнота, что казалось, при желании, можно потрогать нечто чёрное и живое.

Наконец, Эвет остановился, отпустил руку девушки и подал знак, чтобы она ничего не говорила. Ли́ка услышала мужской голос и сразу узнала его. Мурашки пробежали по её спине, коленки задрожали, а собственное дыхание показалось невероятно шумным.

— Тая, не знаю я, как выглядит этот настоящий снег. Никто не знает, — говорил Лакис Хилл. — Оу,...Разве что, господин Эвет Бош? Или его спутница Ли́ка? Мой друг, не мёрзните в Тени, проходите к нам.

Ли́ка вздрогнула, услышав имена, волна жара прокатилась по всему телу. Эвет снова взял её за руку, и холод его ладони немного успокоил.

«Ненавижу его и боюсь до смерти. Зачем мы здесь?» — подумала девушка.

Они прошли всего пару шагов в темноте и глаза Ли́ки словно открылись заново. Она увидела, что стоит посреди небольшой комнаты без окон. Мебели тоже нет, лишь на полу, тут и там лежат подушки цвета спелой сливы. Стены обшиты чёрным бархатом, в углу стоит пушистая ель. Макушка дерева дотрагивается до потолка, на ветвях висят красные и жёлтые яблоки вперемешку с разноцветными фонариками и шишками. И пахнет кругом мандаринами, апельсинами и корицей. Оно и немудрено, потому что под елью сидят Лакис и Тая, и у каждого по левую руку возвышается горка мандаринов, а по правую гора мандариновых кожурок.

— Сия дева нарушила мое право на одиночество и просит снега. Настоящего снега, — с улыбкой сказал Лакис, кивая на девочку.

– Таскирия, здравствуй. Сама нашла это место? – спросил Эвет, устроившись на подушках рядом с девочкой. – Поиск Лакиса может быть крайне опасен для такой малышки. Впредь, будь осторожнее.

– Здравствуй, зануда. Ты ведь «тот самый Эвет Бош», – девочка наморщила носик, – скажи мне, это правда что ты видел всё? А настоящий снег? Видел? Сегодня день зимнего солнцестояния, а настроение совсем не праздничное. Вот я подумала, почему так хорошо и так весело осенью в День Дождя? Потому, что в Городе Дар случается чудо – идёт настоящий дождь. А на Новый год снег не идёт. Нам только рассказывают сказки о нём. Почему так? Лакис, скажите мне правду.

– Знаешь, Тая, мы живём среди воспоминаний, выдуманных историй и почти полного отсутствия чудес. И это единственная правда, которую я сейчас могу тебе сказать, – задумчиво ответил Лакис.

Лица осмелилась посмотреть на него. Его гладкие, цвета темной меди волосы отливали алым, взгляд голубых, прозрачных глаз был непривычно мягким, ноготь большого пальца впивался в кожуру апельсина.

– Да, мы не знаем наверняка, что было на самом деле, – добавил Эвет и протянул Лике почищенный им мандарин. – Такой в Агарте климат. У нас определенно никогда не будет снега.

– Значит, и не было, потому что даже вы, ты и Лакис, высшие и бессмертные существа, не можете мне его показать. Но зачем тогда придумали снег? Зачем придумывать сказки?

– Вывод неверный, Таскирия. К сказкам мы ещё вернёмся – ты послушаешь одну и сама ответишь на эти вопросы. А сейчас, скажу тебе, знаю я чаровни-

цу, которая уверяет, что видела как шёл снег, — сказал Эвет, освобождая от кожурки очередной мандарин, — и думаю, если ты не побоишься, конечно, смогу устроить нам встречу с ней.

Тая прикусила губу, подалась вперёд и обвела недоверчивым взглядом Эвета, потом Лакиса. Тот кивнул.

— Правда?

— Да хоть прямо сейчас, — Эвет беспечно махнул мандаринкой.

— Я очень хочу, пожалуйста, — серьезно ответила девочка. — И сказку тоже хочу, не забудь.

«О, мой Дар, страшно даже представить, какую сказку могут рассказать ребенку эти трое?» — подумала Лика. Она прекрасно поняла, о ком идет речь, и отчаянно захотела сбежать, прихватив с собой слишком смелое дитя.

Эвет достал из внутреннего кармана металлический шарик, отодвинул подушки и положил его на пол. Шар завертелся, прозвучал тихий щелчок и на его месте, прямым из пола, высоко выросло овальное зеркало с широкой резной рамой. В отражении его замелькали едва различимые силуэты и дома, они сменялись лиловым туманом, серой мутью и пятнами света.

— Нашёл, — сказал Эвет, когда гладь зеркала за сверкала золотыми пылинками, — Шаника?

— Эвет?

Голос Шаники прозвучал глухо. Спустя миг, золотая пыль выпорхнула из зеркала, заполнила всю комнату, и звук стал ясным, но отчетливого изображения не было.

Тая приподнялась на коленях, напряжённо вглядывалась в зеркало и была очень похожа на испуганного, любопытного зверька.

— Эвет, душа моя возлюбленная, — замурчала чаровница, — если ты ко мне снова по какому-то делу, то ты не вовремя, я занята отдыхом и не желаю сейчас серьёзностей.

— Здравствуй, Шаника. Хочу просить тебя скоротать вечер в нашей компании, побеседовать о снеге, о зиме, чудесах и сказках, — ответил Эвет. — Новый год ведь наступает, побудь со мной, — тихо добавил он.

По зеркальной глади прошла рябь, и возникло удивительно чёткое изображение — Шаника нежилась в чаше высокой деревянной ванны, дно и бортики которой скреплялись между собой при помощи медных обручей. В воде плавали белые лепестки, бутоны и красные яблочки. Полумрак в бархатной комнате немного рассеялся, проник аромат дерева, мёда и липового цвета.

— А что за компания тут у вас? Тааак, твоя питомица...

— Шаника... — прервал её Эвет.

— «Вот ведь стерва!» — подумала Лика.

— Ах, не важно, все равно она мне не интересна. Кто ещё? Человеческое дитя, это мило, но тоже не очень интересно, — чаровница чуть прищурила зелёные глаза. — Разве что, занятый медальончик она сжимает в ручонке. Ааа, а ты, вероятно, Лакис Хилл? Наслышана.

— Наслышан и я о тебе, Изгнанная, — с кривой улыбкой и нахальным наклоном головы отвечивал маг.

Шаника сделала резкое движение, вода выплеснулась через край ванны, по полу запрыгало яблочко и

покатилось куда-то. Чаровница оказалась у ближайшего к зеркалу бортика ванны, пристально посмотрела на Лакиса, и неожиданно выражение её лица смягчилось, она опустила глаза. На ободке ванны появился бокал с вином. Шаника медленно провела изящным пальчиком по кромке бокала.

— В твоём городе до сих пор бьёт колокол, слышу... Я изгнана навеки, а ты навеки узник, да? Ммм, как же привлекательны бывают раненые души.

Лакис ловко поднялся и уже спустя мгновение был у зеркала. Одну руку он положил на раму, другую протянул и аккуратно взял у Шаники бокал. Они не сводили друг с друга глаз, слова были не нужны. Но стоило магу выпить вино, как бокал тут же рассыпался мелкой стеклянной пылью, тихо полетевшей вниз. Лакис едва заметно вздрогнул.

— Привлекательны и так недостижимы, — сказал он.

— Совсем как снег, да? Да ведь? Шаника, расскажите про снег, пожалуйста!

Наивный и полный надежды и мольбы голос детства ворвался в миг странного единения взрослых, окончательно разбив его.

Лица напряглась, ожидая самой худшей реакции, но реакция высших была так неожиданна, что девушка ещё долго моргала округлёнными глазами: Шаника звонко рассмеялась, а Лакис спокойно вернулся на подушки и потрепал девочку по волосам, смешно взерошив их. Тая сидела довольным воробьём.

Чаровница устроилась напротив, обхватила колени руками и слегка откинула назад голову. Золотые волосы рассыпались по плечам, песочного цвета мех, покрывающий всё её гибкое тело, приятно ласкал глаз. В

зеркале отражалась хищница, игривая, опасная и своенравная.

– Какая храбрая прелестница! Когда-то и мы были такими неопытными, полными доверия, жаждущими любви и справедливости, – сказала она. – Теперь этот мирок так чужд, так хрупок и так не подозревает, что находится посреди острых когтей, способных растерзать в любой момент. Я расскажу тебе про снег, девочка, но расскажу всё как есть, без прикрас.

– А мне украшения и не нужны! – объявила Таскирия и снова сжала свой медальон. – Я все отлично понимаю и совсем уже не такая, как была когда-то, той осенью.

Лица вспомнила, как однажды на Празднике Дождя, Лакис, развлекая детей на площади, показывал иллюзию. Вспомнила, как он увлёкся и явил лишнего; как рыдала Тая, держала его за рукав и умоляла не умирать; как, чтобы успокоить, он подарил ей медальон, открывая который, она видела мерно мигающий алый огонёк и ощущала как бьётся пульс мага.

Девочка шустро проползла по подушкам, села у самого зеркала и ахнула, увидев, что отражение изменилось – зеркальная гладь мерцала россыпью звёзд на фиолетово-чёрном небе. Постепенно, со всех сторон, стали появляться серые облака, они мягким одеялом укутывали небо, нежно накрывали и прятали под собой звёзды.

– Когда идёт первый снег, на улице всегда тепло. Снежинки такие нежные и тихие, расслабленно летят на землю, целуют тебя и тают. И вот они уже повсюду, и всё становится сказочным, белым и чистым. Смотришь вверх и кажется, что само небо спускается к тебе, чтобы обнять и успокоить.

Голос Шаники звучал тихо, мелодично. Из зеркала вырывались крупные снежинки, покружив под потолком, они начинали опускаться, но тут же исчезали – творениям изгнанницы нет места в Городе Дар.

– Но сказка не всегда волшебна и сладка. Стоит подняться ветру, как снег становится беспощаден. Его поцелуи ранят. Снежинки вьются вокруг, как неуспокоенные души. Они забирают сначала кожу, потом глаза и всё тело. Ты, слепая, стоишь не в силах пошевелиться и понимаешь, что белый хлад отобрал уже и твою душу.

Голос Шаники прозвенел и оборвался, как струна. В зеркале появилось отражение чаровницы, её было едва видно за яростными вихрями снежной бури. В комнату ворвался холод, заставил всех поёжиться. Тая мужественно сидела на своем месте и лишь дернулась всем телом от внезапного стука – это Лика поставила на пол чашку, покрывшуюся инеем.

– Теперь живая вода в тебе стала льдом.

Снова в зеркале отражалось чёрное, ясное небо, кругом сверкал алмазный снег. Шаника смотрела матовыми, тёмно-синими глазами. Волосы её, мех и ресницы, совсем побелели, лицо было страшным, мёртвым. В бархатной комнате стало настолько холодно, что изо рта пошёл пар. Зеркало медленно, с тихим хрустом покрывалось узором мороза – белые цветы путались в ажурных кружевах и еловых лапах.

Тая совсем побледнела, но от зеркала не отошла, смотрела во все глаза и кутала пальчики в рукава. Вдруг девочка снова ахнула, и лицо её немного прояснилось – Шаника, настоящая, зеленоглазая, тёплая и

золотая, как день, подошла, приобняла снежную деву за плечи, и та растаяла, разлилась ледяной водой.

– Эвет, я ведь правильно догадалась, ты хотел рассказать девочке историю о богине замёрзших вод? Хороша у меня присказка вышла, м?

Шаника обворожительно улыбнулась, подмигнула продрогшей Тае и направила хитрый взгляд на Эвета. Его янтарные глаза улыбались в ответ, но лицо было серьёзным.

– Таскирия, как тебе присказка? – спросил он.

– Это было очень чудесно, и я вам верю, Шаника. Верю, что вы побывали где-то там, где видели снег... Теперь можно и сказку! О богине, да? Ого! Пожалуй-ста, Эвет, расскажи!

– Один момент! Ненавижу, когда мне холодно, – возвестил Лакис, слегка скривив уголки рта. – Я так ничего не расслышу. Только и буду думать о том, как замёрзли мои ноги. Тая, ползи ко мне, дай руку. Ну, что, моя бесстрашная дева, смотри, тебя никакой мороз не одолеет.

– Правда? Почему?

Маг взял ладонь девочки, подул, и из нее выпорхнула искорка, отлетела в дальний угол, а через пару мгновений, в бархатной комнате уже уютно трещал камин.

– Видишь, почему? Внутри каждого человека есть огонь. Запомни – пламенному сердцу не остыть.

– Но не забудь и то, что огонь может сжечь дотла, – сказал Эвет, наполняя чаши горячим грогом.

Шаника постучала ноготками по раме зеркала.

– Вы меня утомили, сказка-то будет?

Эвет ухмыльнулся.

– Сказка, которую я вам расскажу, придумана не мной. Я прочел её в одной старой книге. На полях были детские каракули, листы пожелтели и пахли не только древностью, а так, необычно... так, будто книга потерялась в нашем мире... Да, очень интересный, редкий экземпляр. Ну, ладно. Что ж, слушайте:

– Давным-давно, на окраине городка под названием Стюдзюм, жил-был странный дед. Прозвали его люди Мороз-Колотун. Был он лохмат и бородат, ходил в пепельно-серой клочкастой шубе, и сопровождали его неизменно три огромных белых пса – Метель, Вьюга и Буран.

Весной и летом старика почти никто не видел, жители совсем даже и забывали о нём. Но поздней осенью и зимой Мороз-Колотун всё время проводил на улицах города: то пугал детей да взрослых, так что кровь в жилах стыла, то привлекал мудростью да советом, сказками да угощениями, то мастерски скульптуры разные из снега лепил. Загляденье! А бывало, если какая красавица приглянётся старику, то утром обязательно найдет на стекле своего окна чудесные морозные узоры.

Однажды, в канун Нового года, встретил Мороз-Колотун на своём пути девушку, худую, черноволосую, глазастую, с новыми сапожками в руках. Вдруг он замер пред ней как вкопанный, так и простоял на том самом месте до ночи. Девушка испуганно улыбнулась ему и поспешила домой. Горожане гадали: то ли вспоминал Мороз чего, глядя ей вслед, то ли очаровался так, что глаз был не в силах отвести, то ли окончательно дед умом тронулся. А неподалёку Метелька гонялась за своим длинным хвостом, Вьюга подвывала тихонь-

ко, огромный Буран был грозен и неподвижен – только псы и знали наверняка хозяйскую печаль.

И вот наступило утро последнего дня года, и каждое стёклышко каждого окна в каждом доме в Студзюме, оказалось украшено картинами кудесника Мороза. А на улицах, во дворах, и даже на мостике через реку, увидели люди снежные и ледяные скульптуры. Почти все они изображали босую деву с длинными волосами, заплетенными в три косы. Печальный её лик навевал светлую грусть. Тихо падал снег. Самого старца и собак его нигде видно не было.

Вечером горожане традиционно затушили все печи и лампы, а на главной площади разожгли большой костер. Главы семей подходили и брали в дома Новый огонь. Не забыли люди и о старике Морозе. Пришли к его жилищу на окраине, подали огонь, молвили слова благодарности, желали ему избавления от былых печалей. Раскраснелся дед, растрогался, смахнул слезу, да рассказал свою историю.

Оказалось, вспомнил Мороз-Колотун, что когда-то был загорелым, веселым и беззаботным юношей. Вспомнил, как искренне и легко дарил свои улыбки и свои скульптуры, как полюбил всей душой самую нежную, хрупкую и красивую деву, и как потерялась она однажды в зимнем лесу и замерзла там насмерть.

Тоска и горе одолели, ослабили волю молодого скульптора. В новолуние слепил он из снега и льда свою возлюбленную, лёг возле ног её и решился уснуть мёртвым сном. Когда губы его уже посинели, а рук и ног он больше не чувствовал, открыл глаза в последний раз взглянуть на свет, тогда ему и приви-

делось – улыбается статуя нежно и насмешливо так говорит:

– Что же ты, любимый, сапожки мне не слепил?

Подскочил парень как ужаленный! Глаза потёр, шапку с ушей сдвинул, даже вспотел разом! Стоял долго, всё прислушивался. Тут она снова отрывисто и тихо заговорила:

– Забрала меня Зима, богиня замёрзших вод. Но я могу вернуться, ты можешь попробовать помочь, можешь всё исправить, спасти. Ты только поверь. Веришь ли мне? Не усомнишься?

– Верю, – горячо прошептал юноша.

– Должен ты добыть для меня каплю живой воды у Хранителя Леса, должен ты добыть каплю мёртвой воды у Хранителя Гор. И последнее это, конечно, ты сам – вернись жив и невредим.

– Вернусь, – ответил скульптор и отправился в путь.

Не оглянулся он, не заметил, как по щекам ледяной девы покатались слёзы.

Долго ли, коротко ли, но дошёл скульптор до Леса. Плутал он, кружил и никак не мог найти источник с живой водой. Всё чудилось юноше, что метель везде следует за ним, заметает следы, мешая и путая. Всё виделось ему в снегу силуэты собаки с длинным хвостом и хрупкой девушки, но стоило направиться к ней, как с противной стороны звучал голос возлюбленной: «Следуй за мной, если веришь. Веришь ли мне? Не усомнился?»

Нет, не усомнился скульптор и нашёл наконец источник. Только собрался каплю живой воды взять, как возник на его пути Хранитель Леса. Гневно сверкая светло-зелёными глазами, занёс он, было, свой се-

бряный меч над юношей. Но склонил тот покорно голову и взмолился, стуча зубами от волнения и холода:

– Если ты любил когда-нибудь, прошу, будь милосердным.

Тихо падал снег. Смягчились прекрасные глаза Хранителя Леса, убрал он меч в ножны, посмотрел печально на юношу и исчез.

Поблагодарил скульптор мысленно хозяина леса, взял живой воды, всего три капли, и отправился к Горам. Плутал он пуще прежнего, заметала метель дорогу ему, не всегда и понимал, идёт вперёд или всё так же на месте кружит.

Долго ли, коротко ли, но добрался всё-таки скульптор до Гор. Наступила ночь, а он всё шёл, всё искал источник мёртвой воды. Впереди метель мела, позади вьюга выла, и волки ей вторили. Никогда еще не было юноше так страшно! Всё виделись ему в снегу силуэты двух собак и хрупкой девушки, но стоило направиться к ней, как с противной стороны звучал голос возлюбленной: «Следуй сюда, иди за мной, если веришь. Веришь ли мне? Не усомнился?»

Нет, не усомнился скульптор, был он терпелив и смел, и нашёл, наконец, источник мёртвой воды в скале. Только собрался каплю воды набрать, как загрохотали камни, зашевелилась скала, возник пред ним великан каменный – Хранитель Гор. Схватил он скульптора, да так, что косточка каждая у того затрещала. Покорно опустил юноша голову и взмолился, едва дыша:

– Если ты когда-нибудь любил, прошу, будь милосердным.

Тихо падал снег. Взревел каменный великан, но юношу отпустил и позволил ему набрать воды.

— Благодарю, Хозяин Гор. Вовек не забуду твоей милости, — сказал тот, поклонился скале и набрал мёртвой воды, всего три капли.

Направился скульптор в обратный путь. Долго бродил или коротко, а наконец, преодолев метель и вьюгу, оказался он в краях родных. И настиг юношу снежный буран. В неистовых вихрях, в крупных хлопьях снега виделись ему силуэты девы и трёх псов. Ветер злоeweще выл, порывы его снова и снова сбивали скульптора с ног, но он поднимался и шёл. Шёл на зов возлюбленной: «Вернись ко мне, если веришь. Веришь ли мне? Не усомнился?»

Нет, он не усомнился, он верил и принёс ей спасение. Окропил юноша ледяную деву мёртвой водой, и обрела она плоть. Окропил живой водой, и открыла она глаза, но не увидел скульптор в них любви, только лёд. Обняла его красавица и вымолвила:

— Мёртвые не возвращаются в мир, дорогой. Не встретишься ты никогда со своей любимой, а наградой за веру твою будет поцелуй смерти. Отдашь ты свою жизнь и вступишь в мир меня, Зиму, богиню замёрзших вод! Буду я властвовать на земле весь век, ни весны, ни лета не дождутся люди!

Замер скульптор, поражённый словами её. И вдруг увидел он трёх белоснежных псов и тоненькую, призрачную фигурку девушки. Встала она пред Зимой, покорно склонила голову и взмолилась:

— Если ты когда-нибудь любила, прошу, будь милосердна, сохрани его жизнь.

Тихо падал снег. Зима подарила скульптору свой поцелуй.

– Милосердие, любовь – всё это лишь орудия в руках гордыни и зла. Но я вняла твоей мольбе, я сохранила его жизнь, – сказала Зима и жестоко рассмеялась. – Жизнь без памяти и разума, в моем вечном услужении!

Хоть ворвалась Зима в мир и успела много бед натворить, а долго царствовать ей не пришлось, ведь добро всегда побеждает. Но это уже совсем другая история...

Эвет закончил рассказ и внимательно посмотрел на друзей. Лика украдкой вытирала слёзы, а Шаника, как всегда сияла, глядела весело. Лакис ответил на его взгляд понимающей улыбкой, а Тая хмурилась и помалкивала.

– О чем задумалась, Таскирия? – спросил Эвет.

– Это очень и очень красивая история, спасибо! И я, кажется, многое поняла и про жизнь, и про смерть, – ответила Тая, и немного помолчав, продолжила, – но главное всего, поняла я, что сказки нам нужны, чтобы учиться, верить в чудеса и мечтать. А грустные сказки, чтобы не забывать, о том, что чудеса эти только тогда случаются, когда им изо всех сил помогаешь. А бывает, и этого мало. Да?

– Да, Тая. Видит Дар, в жизни мало места для чудес, – ответил ей Лакис. – Не стоит слепо верить в неожиданное спасение. Просто потому, что оно так же маловероятно, как и тот факт, что мы когда-нибудь увидим настоящий снег.

Тая озорно глянула на мага, подняла глаза к потолку и взмолилась по примеру героев сказки:

– О Дух Города Дар, если ты любишь нас, прошу, будь милосердным, сотвори новогоднее чудо.

Но ничего не произошло.

А Новый год был уже совсем близко. Друзья шутили, поднимали бокалы, поедали вкусности и рассказывали истории. Даже и без чуда, без снега, им было хорошо в эту ночь, они были счастливы.

И вот, наконец, часы пробили полночь, наступил Новый год. Вдруг, в бархатной комнате поднялся ветер, ослепительно засверкали синие и зелёные вспышки. А мгновение спустя, герои с крайним удивлением обнаружили, что оказались они в подземелье, внутри кратера потухшего вулкана. Но выяснять причины внезапного перемещения именно в это место никто не стал, ведь, подняв головы, увидели они россыпь звёзд на фиолетово-чёрном небе. Постепенно со всех сторон стали появляться серые облака, они мягким одеялом укутывали небо, нежно накрывали и прятали под собой звезды...

Тихо падал снег. Ничего не сказал Дух Города Дар, лишь милосердно улыбнулся и исчез.

Константин Соловаров

г. Санкт-Петербург

Непослушный заяц

Мил-был заяц. Да такой непослушный! Дед ему и говорит:

- Заяц, принеси воды!
- Нет, сам иди, а я на печке полежу, лапки погрею.

Дед подумал, подумал, да и пошёл. Приходит к зайцу баба и говорит:

- Заяц, принеси гороха на гороховый суп!

И заяц ей отвечает:

- Сама сходи, а я уж твою морковку поем, что ног что ли нет?

Потом приходит к нему курица:

- Заяц, ты умеешь варить мою еду? Свари мне, пожалуйста! А заяц ей и говорит:

- Что сама не умеешь варить? А я пойду, схожу в курятник, яйца твои соберу и съем!

Курица покуражилась, покуражилась, да пошла сама пытаться что-то себе сварить.

А тот пришёл петух и попросил у зайца петушиных кормов:

— Заяц, ты высоко прыгаешь, запрыгни на полку, скинь мне ковшик с кормами, а я его поймаю.

А заяц ему и отвечает:

— Сам обойдёшься без моей помощи, у тебя крылья есть, как-нибудь да попробуй залететь, а если не умеешь, пусть тебя птицы научат.

А тот пришла к нему собака:

— Заяц, только ты умеешь высоко прыгать. Достань мне косточку со стола.

А заяц ему с печи и отвечает:

— Сам построй себе какую-нибудь лестницу, да и залезь.

В самом конце пришла свинья и говорит зайцу:

— Заяц, только у тебя острые когти, почеси мне пожалуйста спину.

Заяц отвечает ей с печи:

— Возьми да по земле поваляйся, так и почесешься.

Звери решили проучить зайца. Пошептались, пошептались да и придумали как.

Вскоре заяц успел проголодаться, морковка-то у него кончилась, а баба огородила её большой сеткой. Вот и просит он куриц:

— Помогите мне, пожалуйста, только вы умеете летать и только вы можете поднять сеть.

А курицы с петухом ему отвечают:

– У нас важные дела. Мы не можем, мы хотим вы- сидеть цыплят.

Ваяц и говорит:

– Ладно, и без вас справлюсь.

Тотом он просит свинью:

– Свинья, помоги мне, пожалуйста. Ты из всех самая тяжёлая, разорви сеть своим весом.

А свинья ему и отвечает:

– Я не могу, у меня сейчас похуденье, я стала худая и не тяжёлая, так что я не могу.

– Ладно, и без тебя, толстуха, справлюсь.

А зовёт заяц собаку:

– Собака, помоги, только у тебя острые зубы, про- грызи, пожалуйста, сеть.

– Не могу, я должна придумать, куда спрятать слад- кую кость.

Тотом он просит деда:

– Помоги мне, пожалуйста, у тебя сильные руки. Ты сможешь поднять сеть, а я натаскаю морковки.

– Я принёс воду только для питья, а надо ещё и для чая. Если бы ты мне помог, сбегал бы на колодец, тог- да бы я тебе помог, а так мне надо ещё принести пять вёдер.

А заяц ему и говорит:

– Ладно, и без тебя справлюсь, носи сам свои вёдра с водой.

А зовёт заяц бабу:

– Баба, помоги мне морковки натаскать, есть очень уж хочу.

– Я не могу, мне надо картошку копать, а то её кроты атакуют.

 аяц и говорит:

– Я что без морковки вообще останусь?

–А ты кротов попроси.

 аяц и говорит:

– Нет, нет, нет, обмануть меня решила! Они всю морковку мою съедят.

 аяц подумал, подумал и решил всем помочь. «У меня же мягкий пух, он очень тёплый, помогу-ка я курице с петухом с их важным делом». И сел на яйца. И высидел он их всего-то за пять минут!

 собаке нашёл место, где спрятать кость. Собака её спрятала, и потом никакая другая собака, кроме неё, её не нашла.

Ну, а деду помог воды натаскать, он вёдра домой носил так быстро, что дед не успевал воду зачерпывать.

Дабе тоже помог, выгнал кротов с грядки.

Потом они снова пошептались. «Ну что, простим зайца?»

Они решили его простить. Помогли ему поднять сеть, а он натаскал себе морковки.

Как вы думаете, ребята? Первый раз заяц правильно сделал, когда всем отказывал или нет?

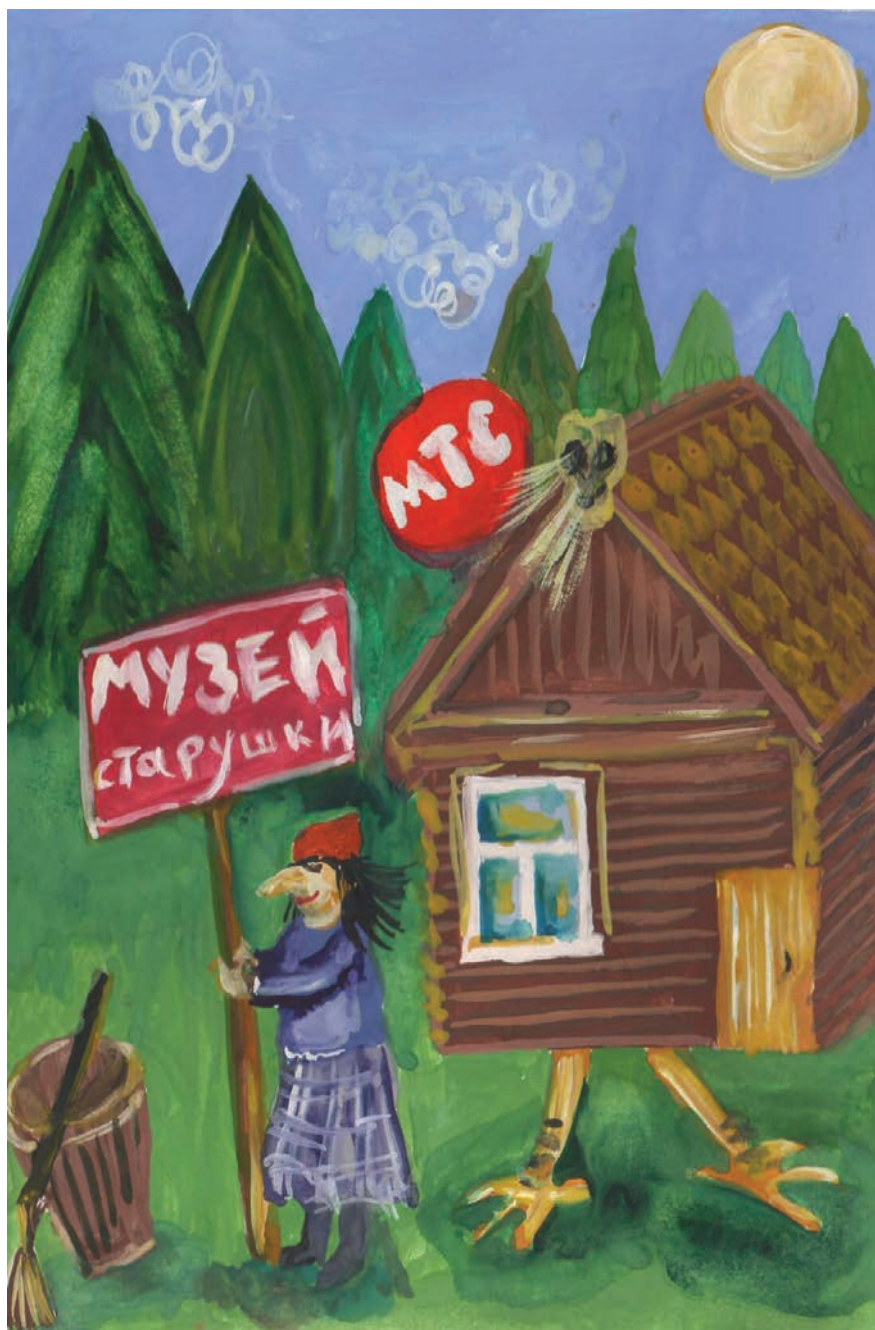

Елена Долгих

г. Фатеж, Россия

Сказка про Бабу Ягу

**Между речкой и леском
На поляне – старый дом.
В доме том живёт старушка
По прозвищу Ягушка.
И она – вот так беда! –
Уморилась жить одна.
Скучно бабке на поляне:
Интернета нет в появе...
Только в блюдечке она
Видит свечи из стекла,
Чтобы ночь поворотить,
Ярким светом осветить.
А ещё такое чудо:
Вдруг – вода из ниоткуда!
Нажимаешь рычажок –
Вытекает ручеёк.
Бабка смотрит и вздыхает:
«Нет, такого не бывает!
Врёт тарелочка опять...**

**Видно, надо починять...
Отвезу её в ремонт.
Может, Коша соберёт?»
Путешествие далече.
Ступу чистит целый вечер,
Ищет шёлковый клубок,
Чтобы путь найти далёк.
Одевалась, наряжалась.
Вот к утру Яга собралась
В ступе с новым помелом
Наконец покинуть дом.
Аппарат летит над лесом.
Бабка смотрит с интересом:
В землю, вон, столбы воткнули,
Пряжу между натянули.
Загляделась – хлоп! Ба-бах!
И повисла на ветвях.
«Аварийная посадка!» –
Плачет в своей ступе бабка.
Повезло, что МЧС
Тут прочёсывало лес.
Ступу с дерева достали,
Бабке ногу завязали
И отправили в больницу,
Чтобы, вроде, подлечиться.
Еле вырвалась Яга:
«Пропадай, моя нога!
Вот, и ступу поломала!
Словно бед и так мне мало!
Как к Кашею доберусь?
Может, лучше уж вернусь?»
Пригорюнилась бабуля...
Вдруг из чащи на ходулях,
Грохоча среди ветвей**

Появился сам Кашей.
«Что, Ягуся, поломалась
И без транспорта осталась?
Я, конечно, рад помочь,
Но из сказки надо прочь
В современность удирать,
К новой жизни привыкать.
Мы с тобой слегка отстали,
Долго в чаще куковали».
«Что же делать нам, Кашей!»
«Будем создавать музей –
Из твоей лесной избушки
Сделаем «Музей старушки».
Починю я реквизит,
Выставим рекламный щит.
И с дороги люд честной
Будет ехать в дом лесной!»
«Это бизнес-план хороший...
Только справимся ли с ношей?»
Повздыхали старики,
Что денёчки нележки.
Ступу на бок повалили
И к избушке покатали.
Долог, короток ли путь,
Всё пройдёт когда-нибудь.
Добрались до опушки.
Поглядели на избушку:
Крышу только подновить,
Можно и музей открыть!.
Починил Кашей приборы,
Подлатал сарай, заборы...
Бабка сушит травки, жаб,
Ловит маленьких ежат,
Вспоминает заговоры,

**Чистит печь, стирает шторы...
В общем, классно получилось –
Сказка сразу оживилась.
И рекламу запустили,
Вдоль дороги разместили.
Ну, пришлось поколдовать,
Чтоб туристов привлекать:
В чащу приведёт дорожка,
Чтобы всё не по-нарошку.
Можно в ступе полетать
И клубочек покатать.
Самому составить зелье –
Заговор от невезенья.
Сделать фото с бабкой Ёжкой,
И с избушкою на ножке,
И с Кашеем, и с метлой,
Волшебство забрать с собой.
И чтоб сказку не покинуть,
В родничок монетку кинуть.
И теперь довольны дети –
Сказка ЕСТЬ на белом свете!**

**Я, конечно, там была.
Пир застала. Мёд пила.
Всё, что в сказке увидала,
Тут же вам и рассказала.**

Татьяна Аникеева

г. Москва

Сказка

**За широкими лесами,
За холмистыми местами –
Богом крещена земля,
Там бывал когда-то я.**

**Место, в общем, неприметно,
Дома три, еле заметных.
Весь народ там – что родня,
Не чужим им был и я.**

**Помню жил там с давних пор
Старый-старый дед Егор.
Вышел дядька из народа,
Одарен был от природы.**

**Знаю, кликали Егора
Местным знатоком фольклора.
И однажды при луне
Он поведал сказку мне.**

**На земле есть край далекий,
Дом стоит там одинокий.
В доме том жила семья,
Как сейчас вот, помню я.**

**Жизнь текла у них размерно,
Как у всех других, примерно.
Был сарай у них, гусятник
И, как принято, курятник.**

**По курятнику шел слух,
Что появится петух.
Куры ждали с нетерпением
Кавалера появленья.**

**И к началу сентября
Петуха взяла семья.**

**Привезли издалека
В дом красавца-петуха.
Будто в радуге купался,
Ну а как он выражался!**

**Курицы, услышав трели,
Так все в обморок слетели.**

**Петух: «Что за место тут такое?
Что за общество простое?
Я привык вращаться в свете,
А не жить в сарае вместе
С курами, которых в тесте
Запекут!
Мое место в чистом доме,**

**Должен я сидеть на троне,
А не жердь делить с условием,
Что вы низшее сословье!»**

**Куры: «Твое высокомерие
Сараем лишь измерено!»**

**Петух: «Что за язык, что за слова!
Безграмотность – порок куриный!
И правда, что идет молва,
Что курицы – народ невинный!»**

**И нету никакой надежды,
Чтобы исправилась невежды!»**

**Шли дни, недели, месяцы
Все дело к Пасхе двигалось
В курятнике, на жердочке,
Меню на лапках двигалось.**

**И вот за день до праздника
Детишки в окна билися,
А взрослые коварные
В курятнике толпилися.**

**Поймали люди радугу...
Без всякого намеренья
Кипел в кастрюльке ржавенькой
Бульон высокомерия!**

Виктор Бабарыкин

г. Новочеркасск

Май, 2009 год

После тяжелого рабочего дня я возвращался домой по старой ростовской дороге. Погруженный в свои мысли, не обращал ни на что внимания, автоматически вел автомобиль, но сверкнувший луч уходящего солнца привлек меня, и я с удивлением отметил, как быстро наступила весна. Кругом, куда бы ни кинул свой взор, были зеленеющие поля, деревья и кустарники. Поездки по пустой трассе мне всегда доставляли особое удовольствие. Изредка, то навстречу, то обгоняя меня, двигались машины. Дорога была извилистой, и иногда захватывало дух от открывавшегося вида. Особенно красиво было в верхней точке холма, машины казались игрушечными, дорога напоминала огромную змею, извивающуюся в море зелени.

Начинало смеркаться. Небо затянуло тяжелыми темными облаками. И, казалось, вот-вот начнется дождь. Вдали стали зажигаться огни. Они были разные – большие, маленькие, светлые и тусклые. «Ах, какая красота вокруг!» – подумал я, остановился на возвышенности,

достал с заднего сиденья фотоаппарат, сделал пару снимков. Повернув голову влево, я увидел удивительное по красоте зрелище: на изумрудное от свежей зелени поле сквозь дождевые облака падали солнечные лучи. Такое я видел впервые в жизни и, конечно же, попытался запечатлеть увиденное. Завороженный кистью художника по имени природа, я постоял немного, наслаждаясь видами и звуками природы. Положив фотоаппарат на сиденье, поехал дальше по дороге. Темнота наступила быстрее, чем я ожидал. В небе одна за другой вспыхивали молнии, воздух содрогался от раскатов грома, и хлынул ливень. Дворники моей машины не справлялись с сильным потоком воды, и я вынужден был остановиться, чтобы переждать непогоду.

Ливень был такой силы, что невозможно было увидеть, что творится впереди. Наконец непогода взяла перерыв, и сквозь мутное от дождя стекло я увидел, как очередная порция молний осветила наш Патриарший Вознесенский собор. Над куполом собора появился большой темно-желтый шар с ореолом золотистого цвета. Это продолжалось минуты три. Я взял фотоаппарат и сделал пару снимков.

Дождь постепенно прекращался, и я решил ехать дальше. Тучи так же быстро разошлись, как и пришли, появилось уходящее солнце, красные лучи которого прорезывали темное небо. Закат был настолько необычный, что пришлось снова притормозить и взять в руки фотоаппарат. Вдоволь наснимав, я решил, что на сегодня хватит и поехал дальше.

Возле моста голосовала молодая девушка в шляпе с большими полями, через плечо была перекинута длинная черная коса. Я притормозил, приоткрыл окно,

и спросил: нужна ли помощь? Девушка попросила довести ее до города. Я, конечно же, согласился, видно было, что девушка продрогла и замерзла.

- А как вы оказались здесь?

- Да, с мужем поругалась и вышла из машины на трассе. Вы видели этот странный дождь?

- Да, видел, даже пришлось остановиться на дороге, чтобы переждать его. Ливень был сильный. Вы, наверное, промокли?

- Да не очень, я успела спрятаться вот здесь, под мостом. Кстати, вы видели, что было над собором?

- Видел и успел снять.

- И я сфотографировала на телефон.

Мы въехали в пригородный поселок Мишкино. Во многих дворах цвели деревья и цветы. От этой красоты захватывало дух.

- Посмотрите, как по-особенному смотрятся белые цветы деревьев при красном закате солнца, – сказала девушка.

- А можно вас попросить пофотографировать?

- Да, конечно.

Взяв фотоаппарат в руки, девушка начала снимать. Видно было, что она так же, как и я, увлечена фотографией.

- Как странно, – сказал я, – уже через год наша планета будет отмечать три тысячи лет, через шесть лет нашему городу будет триста лет, а природа не устает нас удивлять своей красотой...

- Да... столько человек не живет, – задумчиво ответила девушка.

- Вы знаете, что...

Немного помолчав, я продолжил.

- ... Наш город сильно изменился, стал намного красивее. Я иногда сравниваю свои фотографии с фотографиями моего деда (страсть к фотографии у меня от него, ведь он был профессиональным фотографом). Дед любил фотографировать наш город, и сейчас многие места просто не узнать.

- И что же изменилось?

- Да, многое, вот взять хотя бы эту дорогу до города. На снимках деда эта местность была в плачевном состоянии. Сейчас всё в зелени. По обочинам дороги аккуратные места для остановки транспорта, дорога асфальтирована. Даже по обочинам трассы много пышных зелёных растений. Я много езжу по нашей стране, есть с чем сравнить. Так что по сравнению с прошлым и другими местами, наш город сильно изменился и, главное, в лучшую сторону.

- Я считаю наш Донской край самым красивым.

- Не могу не согласиться с вами.

Машина приближалась к окраине города. Начинался частный сектор города, в котором, как и в поселке Мишкино, во всех дворах цвели фруктовые деревья. Перед дворами были разбиты клумбы, на которых буйствовали все краски природы. В основном цвели тюльпаны. Через некоторое время мы подъехали к Триумфальной арке, построенной в честь нашей победы над Французами 1812 года. Вся арка была подсвечена белым и синим цветом. Проехав арку, мы оказались возле Михайло-Архангельского Храма. Я притормозил возле автобусной остановки.

- Вот мы и приехали.

- Большое спасибо, молодой человек, мне было приятно с вами ехать. Спасибо, что помогли мне.

- Вы знаете, девушка, я считаю, что надо всегда поступать по совести, ведь у любого поступка есть последствия, а уж людям, попавшим в беду, надо обязательно помогать.

- Вы правы, людям надо помогать. Только мой муж зачастую этого не понимает. Еще раз спасибо.

На этих словах она открыла дверь машины и вышла, а я завел мотор и поехал к себе домой. На аллеях города цвели деревья, на которые падал белый свет от фонарей, создавая уют и настроение.

Я подъехал к дому, загнал машину в гараж, присел на лавочку и задумался об уникальности времени, в котором сочетаются вечность и скоротечность. Ведь мы постоянно спешим куда-то, не замечаем красоту вокруг. А эта красота рядом: в природе, в людях. И она вечна. Я снова вспомнил своего деда, он, как никто другой, умел подмечать красоту во всем и всегда говорил, что наш город самый красивый. И это действительно так, побывав в Новочеркасске, нельзя в него не влюбиться и остаться здесь жить.

Алиса Крупнова

г. Ульяновск

Руто – Ти

Речь в этой истории пойдет об исчезающей планете Рутон, скорее даже не о самой планете, а о её обитателях. Рутон, планета находящаяся

в одной из дальних галактик бесконечной Вселенной. Красивая, яркая, цветная, но не для всех.

Родившиеся рутинки видели мир в чёрно-белом это было для них привычным. Развиваясь, каждый мигался найти свою тигруда на эти поиски ухотжизнь. Не все подходили друг другу. Но

когда эта встреча происходила, Рут и Тиона, прикоснувшись друг к другу, начинали видеть всё вокруг в необычайно ярких красках: зелёная трава, голубое небо, ярко-жёлтый свет, красные и оранжевые цветы! Те, кому за всю свою жизнь не удавалось увидеть эти

краски, с замиранием сердца слушали рассказы или читали об этом в своих книгах.

За Чистым Ручьём жили руты большой и дружной компанией. Среди взрослых рутов всегда можно было увидеть двух резвящихся малышей: Руто и Ти. Они неразлучно следовали друг за другом, веселились, пели, играли и плескались в воде. И никто тогда и не догадывался, что эти двое уже всё видят в цвете. Они ещё тогда нашли друг друга в этом мире.

Но случилось непоправимое! Как-то ночью пошёл дождь. Он был такой сильный, что Чистый Ручей вышел из берегов. Вода унесла жилище рутов, размыла всё, что им было так необходимо. А утром многих жителей не нашли. Не нашли и маленькую Ти. Руто долго ходил, искал, звал её, но все тщетно, Ти нигде не было. И тогда он осознал, что его мир потерял все краски!

Прошли годы. Руты, научившиеся справляться с водой, укрепили берега Чистого Ручья, построили корабли. Руто вырос. Он больше не мог находиться у Чистого Ручья и решил уехать из этого места на одном из таких судов. Память всегда возвращала его в далёкие времена. Он тосковал по своей Ти.

Миновав Чистый Ручей, корабль нёс Руто по безбрежному океану в новую жизнь. Как-то утром Руто смотрел на воду. Блики от яркого солнца мелкой рябью расходились по волнам. Ему захотелось дотронуться до воды. И вдруг он увидел образ Ти. Руто было подумал, что ему показалось, но в тот момент вода океана

стала ярко-синей, а лучи солнца – ярко-жёлтыми. Корабль причалил в порт. Руто казалось, что он вот-вот перестанет видеть цвета. Он пытался разглядеть среди незнакомцев на берегу образ своей Ти, который мелькнул в воде.

И он увидел её! Она, его Ти, стояла на берегу в ярко-жёлтом платье! Отдельно от толпы! Он ни с кем её не мог перепутать! Это была она! Его Ти – такая красивая! Она ждала его! Своего Руто!

Лариса Литвинова

г. Лобня

Подарок

Наташа болела, она не вставала с кровати.

- Сорока-белобока, кашку варила, деток кормила, – напевала мама больной дочке, чтобы её накормить.

В это время на карниз села настоящая сорока. Она покрутила головой, прислушиваясь к происходящему в комнате и улетела. На другой день сорока вернулась, впорхнув в приоткрытое окошко, уселась на цветочный горшок, разрывая лапами землю. Наташа заплакала, а мама, прогнав сороку, закрыла окно.

Прошло время. Любопытная сорока снова заглянула в комнату. Наташа, съев кашу, улыбалась необычному цветку, красовавшемуся в горшке. Мама радовалась за дочку.

- Подарок-то помог выздороветь, – подумала заботливая Сорока и улетела кормить своих деток.

Наталья Резанович

г. Екатеринбург

Злодей лесной

**У деревьев вдоль опушки
Скачут странные зверушки:
Ежики косматые, зайки полосатые,
Белочки с рогами,**

**Червяки с ногами,
Волк с ушами от слона,
Слон размером как блоха.
И зеленая лиса,
И крылатая коза!
А медведь с пяточком,
А кабан с хохолком,
Мышка на копытах скачет,
А соловушка кудахчет!
Кенгуру с хвостом павлина,
А павлин с хвостом бобра!
Что за странная картина?!
Это что за кавардак?!
Может быть, злодей лесной посмеялся?
Может, леший озорной разыгрался?
И смеется он в кустах над зверушками,
И хохочет дуралей за опушкой!
Вдруг сорока пролетела с мордой бегемота,**

Прокричала, что злодей в доме за болотом!
«На болото! На болото!» –
Желтый крокодил кричал!
И подпрыгивал как заяц
И копытом он махал!
Прибежали звери на болото!
Видимо, ужасный в доме этом кто-то:
Он колдует-колдует, ворожит!
Страшно им – погубить он их может!
Вдруг со скрежетом ужасным
Дверь злодея отворилась,
И от страха у зверей вдруг глаза закрылись...
Маленькая девочка возникла на пороге,
Маленькая ведьмочка глядит на всех с тревогой!
«Вы простите, зверушки, меня,
Не бодайте, не кусайте меня!»
Просто мама моя улетела,
А я поиграть захотела.
И смешала все зелья волшебные,
Изменила я вас, мои бедные!
Вы не плачьте, рогато-усатые,
Я спасу вас, мои волосатые!
И колдует, колдует девочка!
И ворожит, ворожит ведьмочка!
И веселые скачут зверушки
По полям, по лесам, по опушкам.
И вернулись хвосты, и вернулись рога,
И вернулся размер большого слона.
И копыта и уши на место все встали,
И свои голоса! И цвета поменяли!
И скачут и пляшут звери,
Не боятся лесного злодея!

Юлия Марченко

г. Москва

Влюбленный медведь

**Она очень много о принцах читала,
Но принцев, наверное, всё-таки мало.
А может, и вовсе-то принцев и нет,
Но книги обратный давали ответ.**

**И время текло, календарь подгоняя,
Она всё выросла, о принце мечтая.
Она постоянно спешила на бал,
А принц, вероятно, дорогу искал.**

**И как-то однажды в красивой карете,
А если точнее, то в кабриолете,
Приехал с цветами, сразил и влюбил,
И прямо как в книжке он всё говорил.**

**И наша принцесса наивная очень
Сбежала из дома за ним той же ночью.
По-детски поверив, на взрослый мотив,
Ушла, самой нужной себя ощутив.**

**Грустили родители и медвежонок,
Она с ним дружила, ну, с самых пелёнок.
А он её слушал и не обижал,
Всегда, косолапя, навстречу бежал.**

**И время летело: то осень, то лето...
И вдруг на знакомой нам с вами карете
Принцесса приехала в гости домой
С понишкой и грустной такой головой.**

**И принц, вероятно, забыв дома маску,
Себя показал всей семье в ярких красках.
Не так уж умён и не очень учтив,
Из книги одно лишь совпало – красив.**

**Медведь, из берлоги за ним наблюдая,
Принцессу жалел, не всегда понимая.
Он ей землянику из леса носил,
И злобного принца оставить просил.**

**Она не сдавалась, его убеждала,
Что этого принца полжизни искала.
Хотя иногда и твердила в сердцах:
«Не так он прекрасен, не так он и «ах!»»**

**И вот в день отъезда уже на пороге
Наш верный медведь, не скрывая тревоги,
Стоял и смотрел на принцессу с тоской,
Она ему грустно махала рукой.**

**Он сердце медвежье ей бросил под ноги,
Принцессу схватил и понёсся к дороге.
«Моя, не отдам!» – и как начал реветь!
Такой вот попался влюблённый медведь!**

Надежда Майорова

г. Ярославль

Сказка про лесу и серого волка

**Дед собрался ехать на рыбалку,
Лошадь спозаранку в сани он запряг,
Бабке буркнул: «Щи вари и кашу
И для рыбы сковородку распекай!»
Сам тем временем он быстренько собрался,
Валенки, тулуп и шапку он надел,
Не успела бабка попрощаться,
Шустрый дед сел в сани, укатил.
На рыбалку он приехал быстро,
В прорубе он рыбки наловил,
На рогожке в сани пойманную рыбу
Он мешком слегка прикрыл.
Сел он в санки радостный, румяный,
Что улов удачный у него,
Будет и обед, и ужин званый,
Что для жизни надо старикам ещё.
Ехал, думал, песню напевая,
Как же получилось хорошо,
Что удачно много наловил он рыбы,**

Было на душе у старика легко.
Вдруг увидел на дороге что-то.
Сани слегонца остановил,
Встал с саней и подошёл поближе,
Издали лису не разглядел.
Она лежала прямо на дороге,
Старик за хвост рыжуху потащил,
И до саней таким макарон
Он волоком её тащил.
И под рогожку, где лежала рыба,
Лисицу аккуратно положил.
От запаха той рыбы
Лисица вдруг очнулась,
Отведав свежей рыбки,
Совсем уж ожила,
Себе решала сделать она праздник,
Украсть всю рыбу,
И оставить «с носом» старика.
А глупый старичок сидел в санях и думал:
«Какой красивый воротник жене я привезу,
Наверняка я шубу ей украшу
И кучу комплементов ей скажу».
А рыжая плутовка продолжала своё дело,
Она всю рыбку скинула с саней,
Сложила горкой и решила вкусно пообедать,
Улыбку растянула до ушей.
Старик тем временем домой приехал,
Не заходя в избу, старуху он позвал:
«Иди и погляди, чего тебе привёз я!»
Старуха выбежала, не одевшись,
Бегом к саням, рогожку подняла,
И вместе с дедом обомлела,
Что под рогожей пустота.
Дед шапку бросил на дорогу

**И долго «репу» он чесал,
Как рыжая лиса-плутовка
Старикам устроила скандал.
Тем временем голодный волк
По лесу шатался,
Унюхал вкусный запах, на него примчался.
Увидел он, что у сосны высокой
Лисонька сидит у кучи рыбы и на него глядит.
К лисице волк вдруг подошел,
И разговор он с ней завел:
«Привет, кума, ну, как дела?
А рыбку эту где взяла?»
Она вдруг челку прилизала,
И хвост игриво свой задрала.
Сказала тихо: «Наловила».
«Ну, ты, кума, даешь», – сказал игриво, –
«Со мной ты рыбкой поделись,
Не то скажу тебе я брысь».
Лиса, нисколько не смущаясь,
Сказала волку тихо: «Цыц ,
Ты не кричи, сам налови,
Хвостиче свой в прорубь опусти
И будешь рыбку смаковать три дня,
Совсем забудешь про меня».
Волк выслушал подружки речи,
Подумал, может, правду говорит,
Решил на пруд за рыбою сходить.
Нашёл он лунку на пруду
И хвост поглубже в воду сунул.
Всю ночь озябший он на озере сидел
И пробовал он хвост тащить.
Мороз крепчал, и хвост замёрз,
Волк думал, рыбы нацеплялось,
Вот будет рыбы целый воз,**

**А хвост-то да и впрямь примёрз.
Поутру бабы за водою собрались,
Увидев волка, очень испугались,
Но поняли, что серый приморозил хвост,
Его лупили, не стеснялись.
А бедный, бестолковый волк,
Он хвост свой в прорубе оставил,
И ноги еле он унёс,
Под коромысло голову подставил.
Лиса, наевшись рыбы, не терялась,
Решила в деревеньку заскочить,
Жирнехонькую курочку у бабушки стащить.
Всё получилось, было всё шикарно,
Но как же перед волком ей предстать?
Решила свою рыжую мордашку
У бабки с тестом в кадку окунать.
И чтобы было всё правдоподобно,
Лапши на уши волку нацеплять.
И вот с такою разбитой лисьей рожей
У волка на глазах она встаёт,
А тот, жалея рыжую плутовку,
На спину битую свою кладёт.
Несёт её и еле-еле бедный дышит,
Все кости у него побитые болят,
Она же на спине его, удобно развалившись,
Под нос шёпотом себе поёт,
Что битый, очень битый волк
Небитую лису везёт.
Вот в сказке этой всем намёк.
Дан всем здесь небольшой урок:
Не будьте вы просты, как дед,
Не будьте вы глупы, как волк,
И в жизни вашей будет толк!**

Ирина Сергеева (Богуславская)

г. Горловка

О капусте

(рассказ мальчика)

Случайно папа шёл и зацепился
Ногою за капустный лист,
И он открылся.
Оттуда я смотрел на свет
И громко плакал,
Но повезло мне: оказался добрый папа.
Он взял меня на руки, крепко обнял,
Провёл по голове родной ладонью,
Сказал, что буду я теперь его сыночком,
Что не застанет меня в поле злая ночька.

И я заснул. Спокойно так, и сладко,
Как никогда не спал, когда лежал на грядке.
...И мама была счастлива и рада.
Всё говорила, что сыночек ей награда,
Что жизнь разделена на «до» и «после»,
Что до меня была не жизнь и вовсе...
И так нам было хорошо, уютно...
Я даже помню...
Только очень смутно...

Птица Счастья

**Я не видела давно Счастье-Птицу.
Разве что во сне часто снится...
...Яркая, волшебная, цветная...
Птица Счастья – птица непростая!
Я ждала её зимою... и летом...
Чудо-птица, милая, где ты?**

**...Правда, люди говорят: так бывает,
Что её как будто нет – исчезает...
А потом опять прилетает...
...Что она бывает в дальних странах,
и близких,
И летает высоко и низко...
Пролетит, – и Счастье рассыпает:
(Так она свой след оставляет).
Говорят, – она везде, по всему свету...
Что она ОДНА – на всю нашу планету...**

Может быть, поэтому её так долго нету?..

**...Но вернётся! – Вся сияет, искрится!
Улыбается, смеётся, кружится!
«Задержалась я немножко, сестрица», –
И одарит с лихвою, сторицей.**

**Если встретится Вам Счастье-Птица –
Вдруг она к вам в гости приземлится?!
Золотистым крылом постучится?!
Я желаю: пусть это случится!
Передайте ей (она меня знает),
Что я ЖДУ и ОЧЕНЬ СКУЧАЮ.**

Ольга Бажина

г. Москва

Песенка о Бабе Яге

**Нос крючком, глаза, как фары,
К нам пришла из сказки старой,
Взрослым, детям не мила,
Стала воплощеньем зла!
Глубоко в лесу живет,
Кровожадную слывет!
А она совсем не злая,
Хоть судьба ее иная!
Ей хотелось доброй быть
И детишек всех любить.
Средних, маленьких и старших,
Выручать в беду попавших,
И мечталось Ягуле
Просто доброй быть бабулей!
Только сказочник Ягу
Превратить сумел в каргу,
Поселил в лесу старушку
В куруногую избушку!
Дал ей ступу, помело,
Полюбить заставил зло,**

А она и дни, и ночи
Полетать на крыльях хочет,
К звездам на небе взлетая,
О любви детей мечтая!
Хочет быть совсем другой –
Доброй Бабушкой Ягой!
Мы Яге поможем с вами
Вместе добрыми делами:
Про капризы позабудем,
Папу с мамой слушать будем!
Если каждый добрым станет,
В мире злу конец настанет,
И Яга не будет злой,
Станет жизнь ее иной!
Ведь бабуле суждено
Жить с людьми давным-давно,
Улетев в другую сказку,
Чтоб дарить внучатам ласку!

Сказка о звезднопаде

Рассказать я сказку рада
Про рожденье звезднопада,
Что придумала одна я
Для тебя, моя родная!
Рядышком садись со мной,
Слушай! Было то весной:
Ночь на неба покрывало
Звезды-стразы нашивала
И заслушалась, как я,
Вокалиста-соловья!
Для подружки он старался –
Сладкозвучьем разливался.
Звуки плыли высоко,
Слышны были далеко!

**Пел любовь пернатый друг,
Замирало все вокруг.
Вот и Ночь не исключенье.
Завороженная пеньем
Вдруг очнулась, поспешила,
Звезды крепко не пришила!
Пролетело быстро лето.
Столько песен было спето
И щеглами, и скворцами,
Жаворонками, дроздами
На березе и сосне
И в небесной вышине!
Столько птах покорено,
Уж птенцы парят давно!
Средь берез, дубов и сосен
Пробираться стала Осень,
Звездный Август наступал,
Где-то первый лист опал.
На небесном покрывале
Стразы-звезды засияли
Так, как летом никогда!
Вдруг одна из них звезда
Зашаталась, задрожала,
Покатилась и упала,
А потом за ней другая
Тоже падала, мигая!
Звезды, что с небес скатились,
Вдруг в желанья превратились,
И сегодня каждый рад
Вновь увидеть звездопад!
Подожди, пора придет,
Столько звезд вновь упадет,
Что сумеешь при стараньи
Загадать и ты желанье!**

Елена Белоусова

с. Перелюб, Саратовская область

Волшебство

**Я никогда не видела волшебников!
Мне вообще сказали, что их НЕТ!
Настойчиво сочтется из учебников:
Что, я прошу прощения, ЭТО БРЕД!**

**Вот стали взрослыми, уже по сорок лет!
И вера в чудеса в нас – РАСТВОРИЛАСЬ!
ЧТО ты наделал, взрослый человек?
Жизнь непростительно твоя переменялась!**

**Официально заявляю: «Не согласна»!
Жизнь будничная просит волшебства.
Жить в сказке – это сложно, но прекрасно!
Поспорите со мной? Я не права?**

**Советую вам просто промолчать,
Затем немедленно пойти в библиотеку.
Немного перед полкой постоять
У книжного, «волшебного» отсека.**

**И я уверена рука сама потянется,
Как будто повинуюсь волшебству,
За книгой той, что в памяти останется!
О мальчике, закованном в строку.**

**Мальчишка Гарри – круглый сирота,
Улыбка обаятельная манит!
Но страшный шрам жжёт Гарри неспроста.
Его сознание волшебники тиранят!**

**Но! Вы устанете искать МУЖЧИНУ,
Что с МАЛЬЧИКОМ сравнивается по духу!
Того, кто вычислит в самом себе ПРИЧИНУ –
И устранил последствия разрухи!**

**Кто не предаст ни друга, ни подругу,
Кто за учителем пойдёт в огонь и в воду!
Кто не поддастся каверзам испуга –
И одарит невинного свободой!**

**Того, кто лёгкий путь не выбирает!
Того, кто себя в жертву принесёт.
От зла своей спиной прикрывая –
В час трудный от гибели спасёт!**

**Где вы встречали мужество такое?
Отваги столько, где могли вы встретить?
А мальчик СТАЛ, хоть книжным, но ГЕРОЕМ!
Возьмите книгу! Окунитесь в это!**

**Добро и зло – исконно и классически,
Противоборствуют! Но злу не победить!
Ведь мальчик, не в теории, - практически –
Другим на благо жизнь готов прожить!**

**Он неустанно шепчет заклинания,
Идёт вперёд, хотя не знает брода!
И для него не служат оправданием:
Ни сон плохой, ни каверзы погоды!**

**Так начатое дело – завершеньем
Мальчишка Гарри Поттер одарит.
Нам остаётся наслаждаться приключением!
И восхищаться тем, что он творит!!!**

**Где вы встречали мужество такое?
Отваги столько где могли вы встретить?
А мальчик СТАЛ, хоть книжным, но ГЕРОЕМ!
Возьмите книгу! Окунитесь в это!**

Зов природы

Экологическая сказка

Это могло случиться с каждым, но случилось почему-то именно со мной!

Помогите! Помогите!

Крик! Ночь, тяжёлое дыхание, и полное непонимание застали меня врасплох. Оглянувшись, я не увидела никого, кто мог бы это проговорить. Дни летели за днями, ночи за ночами, а меня продолжали просить о помощи. Мысль о том, что я сошла с ума, перестала меня покидать. Пролить свет на эту ситуацию помог один случай. Сидя за чтением возле окна с открытой книгой, изредка посматривая на улицу, я невольно стала свидетелем неприятной сцены: три мальчика ели конфеты, двое из них избавились от фантиков, выбросив их в мусорный бачок, а один поступил иначе – бросил на землю. Двое других начали настаивать на исправлении ситуации, третий отказывался. Я вышла и попыталась вмешаться, объясняя, что некрасиво загрязнять природу, на что он ответил:

– А где вы видите природу? Это просто окружающая среда»!

Фраза мальчика звенела в ушах. Я шла по зелёной аллее, а мозг накалялся всё больше и больше от одной единственной фразы, сказанной мальчиком между делом: «А зачем нам природа? Мне достаточно и окружающей среды!». Неужели все люди думают именно так?

Мне становилось всё хуже, и хуже...

– Девушка! Девушка! Кто-то очень громко и в то же время нежно меня позвал. Прикладывая невероятные усилия, я открыла глаза. Смутно представляя, что произошло, я увидела и человека, и в тоже время не совсем человека.

Странное маленькое, но очень милое существо протягивало мне свою дрожащую руку.

– Простите, – не унимался странный человек, – это я виноват в том, что случилось с вами. – Не согласитесь ли вы погостить у меня? Его глаза расширились от ожидания, подбородок и нижняя губа затряслись. Вот что я могла поделать с ним? Конечно, я согласилась. Он не оставил мне выбора.

– Я должен завязать вам глаза, – проговорил он. При этом, не дожидаясь моего ответа, накинул на голову страшную тряпку непонятного цвета. Сил для сопротивления у меня вовсе не осталось. Более того, я даже не осмелилась спросить его имя! Что я делаю? Но кто-то или что-то внутри меня подсказывало, что я делаю правильный выбор!

Сначала мы плыли, потом летели, потом шли пешком. И тут резкий свет ударил мне в глаза. «О, Боже! Лучше бы мне никогда ничего не видеть», – подумала я, – тем более этого!» И закрыла глаза руками. От увиденного душа сжалась и зарыдала.

– Кто это сделал? – обращаясь больше к самой себе, нежели к кому-то конкретному, спросила я.

– Люди! – со слезами на глазах ответил странный «человек», и от произнесённых слов стал ещё меньше и сутлее.

Играла страшная непонятная музыка. Повсюду слышались стенания, плач и дикий крик. Сквозь серую пелену передвигались покалеченные полуживые звери и птицы. Бесшумно стонали рыбы с изуродованными жабрами и плавниками, одетыми в нефтяную плёнку. Птицы, умеющие, но лишившиеся возможности летать, беспомощно попискивали и с надеждой смотрели на каждого, кто проходил мимо. Кабаны, лоси, олени и многие другие, подстреленные, но не убитые, истекали кровью, брошенные на произвол судьбы. Музыка стихла. Наступила режущая слух ти-

шина. В одно мгновение все присутствующие обернулись и уставились заплаканными глазами на меня и странного «человека», находившегося рядом со мной.

– Я нашёл её! – сказал странный человек. Надежда ещё осталась! Возможно, всё поменяется.

– Я ничего не понимаю! Объяснит мне кто-нибудь, что здесь происходит?

Странный человек выступил вперёд, немного повеселел, оживился. И начал говорить:

– Сто лет я бродил по свету. Сто лет я искал человека, который способен нас, если не защитить, то хотя бы просто пожалеть и посочувствовать. И всё было безрезультатно. Я мысленно звал, стучался в сердце каждого человека, живущего на планете Земля. Заменяя свет ночника, я просил, но в ответ раздавалась немая тишина. Пока однажды я не набрёл на вашу квартиру. – Тут он посмотрел на меня, а в его глазах блестели слёзы. – Её сердце не очерствело под влиянием времени. Она не обязана, но может нам помочь.

– Но чем? Недоумевающая и растерянно разводя руками, спросила я.

Мне никто не ответил. Вместо этого я услышала:

– Девушка! Девушка! Вы в порядке? Вам помочь?

Я открыла глаза и посмотрела на свои руки. Ладони были соединены между собой, а внутри я ощущала обжигающее тепло. И сквозь пальцы пробивалось зеленоватое сияние. Я отогнула один палец, и вдруг изнутри выпорхнула сияющая зелёная бабочка, покружилась надо мной, потом над случайным прохожим и опустилась к нему на грудную клетку, вспыхнула... и... растаяла!

Случайный прохожий молча привстал с колен, поднял меня. И стал удаляться. Под ноги ему высыпали те самые мальчики. Он посмотрел на одного из них и поманил пальцем к себе.

– Дяденька, я ничего плохого не сделал!

– Как тебя зовут?

– Ваня.

– Ваня, ты только посмотри, как вокруг красиво! После этих слов брошенные фантики превратились в зелёных светящихся бабочек и поднялись в воздух.

– Ваня, а знаешь ли ты, кто создал эту красоту?

– Человек?

– Природа, Ваня, природа!

Ваня посмотрел на свои руки, а ладони, сложенные в виде сердца, засияли зелёным светом.

– Это дыхание ПРИРОДЫ! – сказал незнакомый прохожий. – Природа доверяет тебе! Береги её! Я знаю, у тебя всё получится.

Виктор Зубарев

г. Санкт-Петербург

Глупости

Сегодня пятикласснику Вова было не заснуть. Он вертелся и так и сяк. Наконец, решил почитать сказки, может, это поможет. И помогло. Он заснул, а книжка упала куда-то под одеяло. Ворочаясь с боку на бок, Вова сильно надавил плечом на книгу. И вдруг...

Плечо как сквозь плёнку провалилось за обложку, а затем туда засосало всё тело, и Вова полетел вниз. Свалился он в стог сена. Как ни странно, но вокруг было светло.

Недалеко от места падения в луже лежали два бегемота. Мимо прошёл жираф и сказал: «Привет».

– Ух, ты! – протёр глаза Вова.

Рядом стоял полосатый столб со шлагбаумом. В полосатой будке сидел дед в футболке с надписью «Вахтёр». Около будки дремал серый волк.

– Здравствуйте, дядя Вахтёр. Вы не подскажите, куда я попал?

– Известное дело, куда. В сказки.

– Вы хотите сказать, что эти бегемоты и говорящий жираф – не сон, что они – настоящие?

– Здесь всё настоящее. Только другое, ни как везде.

– А домой отсюда можно попасть?

– Вон, видишь, стоит автомат для монет? Опустись в щелочку два сольдо – и ты дома.

– У меня нет этих сольдов, и я не знаю, где их взять.

– Ну, ты даёшь! Всем известно, где взять – в стране дураков. И потом, слово «сольдо» не склоняется.

– Во-первых, я не знаю, как попасть в эту страну, а во-вторых, где же там ищут сольдо?

– Сольдо там находятся в банке, а страна начинается сразу за шлагбаумом.

– Но где же там банк?

– Не банк, а банка, – это проснулся волк, – пойдём я тебе покажу дорогу. Это недалеко от моего дома.

В стороне от дороги показалось здание, на котором было написано «ШкоЛЯ».

– Музыкальная, что ли? – спросил Вова

– Почему музыкальная?

– Так, Ля на конце.

– Нет, не музыкальная. Это школа глупостей.

– Зачем она нужна?

– Ну, это же страна дураков! Чтобы быть дураком, надо знать много глупостей.

– Так много глупостей любой знает.

– Не скажи. В этой школе учатся по десять лет и когда заканчивают, далеко не все могут считать себя полными дураками. Многие выпускаются полудурками. Им ещё предстоит набраться глупостей, чтобы стать дураком.

– По-твоему, если ты не полный дурак, то ты ненормальный?

– Да. А ты как думал?

– Хорошо. Ты, например, кто?

– Я – полный дурак. С отличием закончил школу. Прелесть дипломированного дурака в том, что он может сделать любую глупость, но может не делать её, если не захочет. А неполный дурак, как бы не старался, многих вещей сделать не сможет, даже если захочет.

Рядом со школой дети играли в футбол.

– Это урок физкультуры? – спросил Вова.

– Нет. Это урок глупости.

– Какая же это глупость? Футбол – моя любимая игра!

– Игра в футбол – глупость несусветная. Разве есть смысл в том, чтобы загнать мяч между палок? Никакого!

– А литература у вас глупость или как?

– Серьёзные книги здесь не в почёте. Классикой считаются анекдоты. А, вообще, в стране дураков читать не любят.

– А газеты? Как вы, например, узнаете новости?

– Газет, естественно, у нас нет. Основным источником новостей являются сплетни.

– А в армии у вас служат?

– Интересный вопрос. Армия – это же невероятный источник глупостей с её прапорщиками, тупизмом и маразмами. Но армии у нас нет. Ведь войну все считают серьёзным делом и глупостью никто не называет. Ну, не глупость, значит не глупость. Мы не спорим. Поэтому у нас нет ни войн, ни армии. Ладно, пошли дальше. Уже скоро придём.

– А почему справа тянется такой высокий забор?
– Там за забором страна умников.
– Вот где, наверное, целыми днями зубрят и учатся! – предположил Вова.

– Нет. Никто там не учится. Они вылавливают нас, дураков, и выбивают из нас дурь. Это мы построили забор, чтобы отгородиться от них. Всё. Пришли. Посередине пыльной площади стояла большая стеклянная банка. В ней на дне лежали монеты, а на них сидела лягушка.

– Здравствуйте. Мне нужно два сольдо, – сказал Вова.

– Скажи глупость, которая мне понравится и, сольдо – твои.

– Ветер – зелёный, – не задумываясь, сообщил мальчик.

– Какая же это глупость? Вчера у нас был зелёный ветер. Правда, волк?

– Да, правда, а завтра ожидается синий.

Вова задумался. Если это не глупость, то что же такого придумать? Дома мама постоянно ворчит: «Не говори глупостей». А тут... Попробуй что-нибудь придумай, если зелёный ветер у них – норма!

– Я, наверное, слишком умный. Не могу сходу придумать глупость.

– Молодец, эта глупость мне нравится, – сказала лягушка и дала Вова три монетки, – вот тебе два сольдо.

На одной монетке была цифра один, а на двух других – нарисованы двойки.

– Извините, вы ошиблись. Здесь пять сольдо.

– Кто тебе сказал такую глупость?

Два плюс два и плюс один – это всем известно, что пять.

– Ты неправильно считаешь. Цифра один на монете означает: чтобы иметь один сольдо, нужна одна такая монета. Вот она. Цифра два – это значит, что нужно две монеты с надписью «2», чтобы был один сольдо. Поэтому, $2 + 2 = 1$ сольдо, а $2 + 2 + 1 = 2$ сольдо. Или, если у тебя монетка с надписью «4», то тебе надо четыре таких монеты, чтобы был один сольдо. Понял?

Вова взял ручку и написал на ладони: « $4 + 4 + 4 + 4 + 1 = 2$ »

– Правильно?

– Абсолютно верно!

– Круто тут у вас!

– А ты как думал! Пошли, проведу обратно, – сказал волк.

– Ну, как, добыл сольдо? – поинтересовался Вахтёр.

– Добыл. Но было это занимательно.

– Я рад, что тебе понравилось. Хочу сказать на дорожку: не надо думать шаблонно. Вот, например, – глупость, а вот – нет, потому что все так считают. В некоторых случаях глупости – вовсе не глупости, и – наоборот. Короче, если у других не так, то это не значит, что – глупо.

Вова опустил монетки в автомат. А дальше... Он упал с кровати и больно ударился об пол.

– Надо же, приснится всякая ерунда!

С этими словами Вова пошёл умываться. Когда подставил руки под струю воды, то с удивлением увидел надпись на ладони: « $4 + 4 + 4 + 4 + 1 = 2$ »

– А это ещё, что за глупость?

Другой мир

Мы много слышали о существовании параллельных, виртуальных и сказочных миров. Но, оказывается, ещё бывает и музыкальный мир.

В нём всё устроено по-особенному. Там находится огромная страна под названием Нотный Стан. В ней правит король Скрипичный Ключ. Жители страны между собой часто называют его сокращенно Скыр. Король – толстый, пузатый и очень строгий.

Основное население – это маленькие, кругленькие и забавные ноты. Все они распределены по специальным домикам (произведениям), так называемым: операм и балетам, шлягерам и куплетам, вальсам и ещё многим другим.

Но где бы не находились ноты, они всегда являлись подданными Скрипичного Ключа и подчинялись только его законам.

Внутри всех песен или опер бедные нотки были строго расставлены по своим полочкам. Им запрещалось перебегать не то что в другие произведения, но даже прыгать со строчки на строчку. За порядком ревностно следили верные псы Скыра – диезы, бемоли, бекары и многие другие.

Как же хотелось ноткам побегать, порезвиться! Но им постоянно внушали, что этого делать нельзя. Если дать нотам свободу, то произведения заболели и умрут.

В одной непопулярной песенке расположились рядом три неразлучные ноты: Ля, Си и Ми.

– Зачем мы здесь сидим, как истуканы. За последние полгода ни один музыкант к нам не заглядывал и,

когда ещё заглянет. Думаю, ничего не случится, если мы ненадолго сбегаем посмотреть, как живут в других мирах, – однажды предложила подругам нота Ля.

– В каких таких других мирах?

– Ну, например, в литературном. Там живут похожие на нас буковки.

– Действительно, что мы теряем? Мы же ненадолго, – поддержали подругу Си и Ми, – но как туда попасть?

– Очень легко! Надо спрыгнуть на стол и заскочить в любую книгу.

Дождавшись, когда часовые Диез и Бемоль уснули, три подружки спрыгнули с нотного стана и выскочили на большой письменный стол. Там лежала открытая книга. В неё и устремились любознательные ноты.

– Вы кто? – на первой же странице спросила у них буква «А».

У букв не было короля, как у нот, но у них была своя иерархия – алфавит. Согласно этому алфавиту – главной была буква «А», остальные выстраивались за ней в указанном порядке. Но в жизни эти построения большой роли не играли. Главными законами были Правила и перед ними все буквы были равны. А знаки препинания (точки, тире, запятые и многие другие) бдительно следили за соблюдением Правил.

– Мы ноты из песенки про дождик. Слышали такую?

– Нет, не слышали. Что вы здесь потеряли? – недружелюбно продолжила ворчать «А».

– У нас в музыкальном мире очень скучно. Мы всё время сидим на своём месте и даже не можем нигде погулять. Вдруг заглянет музыкант, а нас нет. Хорошо,

когда произведение популярное, и ноты знают, за что страдают. А у нас – одна скукотища.

– Боюсь, вы попали не по адресу. У нас здесь все буквы сидят на своих местах и живут только в своих словах и предложениях. А книги, бывает, никто не открывает годами и десятилетиями. И у нас, и у вас одно предназначение – сидеть на своём месте.

– Как же всё несвободно! А где же можно жить по-другому?

– Не знаю. Может в математическом мире? Там живут циферки и, говорят, что у них от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Вон, видите, на полке стоит зеленая книга. На ней написано «Математика». Попробуйте. Только, не знаю, где вы найдёте там место для себя.

Циферки очень удивились, когда узнали, зачем к ним пожаловали ноты.

– Кто вам сказал, что у нас можно гулять, где попало? Наши законы, действительно, более свободные. Но это лишь на первый взгляд. Здесь всё подчинено Итогу. В Итоге цифры стоят как часовые, без движения. А там, где можно двигаться, действует другой закон: «что написано пером, не вырубишь топором».

– А где же по-другому?

– Наверное, в реальном мире. Чтобы в него попасть, надо спуститься со стола и через дверь выйти на улицу.

Во дворе, недалеко от дома, нотки встретили муравьёв, которые несли длинную соломинку.

– Здравствуйтесь. Мы ноты из песенки. Нам надоело сидеть без дела у себя в Нотном Стане. Мы хотим активного образа жизни.

– Ну, тогда вам сюда. Мы целый день перемещаемся и работаем. Что вы умеете делать?

– Мы умеем сидеть на месте.

– И всё?

– Разве этого мало? – обиделись нотки. – В нашем мире, если мы не будем сидеть, где положено, всё пропадёт.

Муравьи переглянулись между собой: «Вот бы нам туда». А ноткам сказали:

– Это в вашем мире. А здесь не так. Просто так сидеть? Ну, сидите! Хотите – не сидите. Ничего не рухнет и не изменится. Только зачем вы тогда здесь нужны?

– Хорошо, можно нам научиться вашим работам?

– Да, легко! Берите вон ту соломинку и несите за нами. Мы покажем куда.

Нотки взяли соломинку. Она оказалась нелёгкой. Донесли до места.

– А что дальше делать?

– Идти за другой соломиной. Потом, за следующей.

– Зачем это нужно?

– Мы строим дом.

– Ну, наверное, скоро постройте. И, что тогда?

– Будем строить другой дом. Потому что дожди, ветры и многие другие обстоятельства постоянно рушат постройки.

– И как часто вы строите?

– Мы строим всегда.

– А когда вы отдыхаете? Мы уже устали.

– Отдыхаем мы только ночью.

– Нет, девочки, – сказала Ля, обращаясь к подружкам, – сидеть как-то лучше. Это всё – не для нас.

– Знаете, – сказали муравьи, – есть две поговорки на эту тему. Первая: «Хорошо там, где нас нет» и вторая: «Где родился, там и пригодился». Шли бы вы лучше к себе. Там вас ждут, и там от вас всегда польза, даже если вы будете просто сидеть и ничего не делать. И не расстраивайтесь. Вы только представьте себе, что на ваши места сядем мы, муравьи. Вот будет музыка

Андрей Пучков

г. Сосновоборск

Совершенная защита

Мантикора приготовилась к прыжку. Она прижалась к земле и подалась немного вперёд. Перевитые мышцами, словно канатами, лапы подрагивали от напряжения, как будто зверь накапливал в них силу, чтобы совершить стремительный и смертельный рывок. Длинный и мощный хвост, заканчивающийся острой костяной иглой, как маятник метронома, двигался из стороны в сторону. Я, стараясь не моргать, смотрел ей прямо в застывшие жёлтые глаза, в которых пульсировал вертикальный зрачок, и ждал. Всем было известно, что если уж ты встретился взглядом с мантикорой, не моргай! И чем дольше ты сможешь выдержать, тем дольше проживёшь.

Я усмехнулся: «Ну, уж нет, подруга! Зря ты выбрала меня предметом охоты, ох, зря! Не повезло тебе! Ты, конечно, можешь меня убить!.. Но не в этот раз! И не в следующий!.. Не ты первая и не ты последняя!..» И я моргнул!

Моргнул специально, чтобы мантикора начала действовать. Зверь купился на провокацию и ударил хвостом. Мантикора всегда первый удар наносит хвостом. Мне это было известно! Раздался свист пронзающего воздух острия, и я, стремительно пригнувшись, перекатом ушёл в сторону. И уже выходя из кувырка и поднимаясь на ноги, почти не глядя, рубанул мечом!.. Правки не требовалось! Хвост зверя вонзился в ствол дерева, возле которого я стоял, и увяз в нём своим острым концом. Ну, а мне оставалось его только перерубить, что я и сделал. Не впервой, знаете ли.

Лишившись хвоста, мантикора, завывая, крутилась на одном месте, взрывая когтями землю, напрочь забыв и про меня, и про охоту. Она вообще больше ни на кого не обращала внимания. Хвост для неё – основа существования; лишившись его, она полностью теряла ориентацию и не знала, куда ей бежать и что делать. Меня всегда интересовал вопрос: почему при наличии впечатляющих клыков и мощных когтей это в об-

щем-то умное создание так безрассудно и бесстрашно использует столь ценный для её жизни инструмент?!

Из-за соседнего дерева выглянул Серый и вопросительно уставился мне в глаза.

– Всё нормально, братан, – улыбнулся я, убирая меч за спину, – как обычно, даже не поцарапался!

Серый хмыкнул и, пожав плечами, направился в сторону скал. Я вздохнул и, поправив разгрузку, потопал следом за ним. Вот всегда с ним так, хоть бы раз похвалил!

Серый бодро топал метрах в пяти впереди меня и настороженно вертел головой во все стороны. В этих местах только так и надо ходить. Нельзя идти рядышком друг с другом, как бы тебе этого ни хотелось. Нельзя идти друг за другом ближе, чем в пяти метрах. Иначе и в том, и другом случае сразу обоим можно запросто стать добычей какой-нибудь твари.

Вот как сейчас!.. Я одновременно с прыжком Серого в сторону рванул из закреплённой на бедре кобуры обрез двустволки и всадил картечью сразу из двух стволов в гибкое тело здоровенного верёвочника, подобравшегося близко к тропе и ожидавшего беспечного путника.

– Да, не повезло тебе, – пробормотал я и толкнул ногой длинное подрагивающее щупальце, усыпанное острыми шипами. – Ползал бы по своим владениям, живым бы остался. Вот что тебе тут надо было?

Подошёл Серый и тоже осторожно, чтобы не уколоться о шипы, потрогал верёвочника.

– Ещё немножко и он бы тебя достал! Ты становишься беспечным! – сказал я и с укоризной уставился на друга.

Тот, не отрывая взгляда от верёвочника, почесал себе ухо и, сверкнув в мою сторону карим глазом, снова пожал плечами. А потом, перепрыгнув через шипастое тело, направился дальше. Ну, вот что с ним делать? Вроде бы и не молоденький уже. Усы вон какие отрастил! Пора бы и думать начинать.

Привал решили устроить на крыше древней разрушенной башни. Она была не очень высокой, но стены у неё были мощные, гладкие, отлитые из бетона, который со временем приобрел крепость камня. По таким стенам ни одна тварь не взберётся. Если, конечно, что-то летающее не нагрянет. Пока Серый внимательно осматривался, я прислонил к стене длинную широкую доску, на которой по всей длине были набиты бруски, и по этой импровизированной лестнице забрался на второй этаж. Подождал, пока заберётся Серый, и опять повторил процедуру, прислонив лестницу к пролому в потолке. Оказавшись на крыше, доску задёрнул наверх. А то мало ли!..

На самом деле мы забрались не на крышу, а на разрушенный чердак, над которым оставался целым небольшой участок из толстых досок. Под этим навесом при случае можно было укрыться не только от дождя, но и от какой-нибудь летающей заразы, которая вздумает любопытствовать, кто это там, в теньке, спрятался.

Я пристроился на небольшой чурочке, неизвестно как попавшей на чердак, удобно откинулся на стену, вытянул ноги и прикрыл глаза. Хорошо. Спокойно. Пока никто не нагрянул, надо бы перекусить, а то потом времени может и не быть. Обстановка здесь меняется очень быстро. Не успеешь оглянуться!..

– Держи, Серый, – негромко сказал я и протянул другу морковку. Тот радостно хмыкнул и, по-моему, даже улыбнулся, что с ним бывает крайне редко. Я посмотрел, как приятель с удовольствием захрустел морковкой, и, вытащив из кармана разгрузки завернутый в фольгу бутерброд с колбасой, с не меньшим удовольствием запустил в него зубы.

Моего друга можно назвать странным! Я это знаю и принимаю его таким, какой он есть. Ну что поделаешь с тем, что он вегетарианец? Правильно. Ничего не поделаешь. Вот я и не делал. Нравится ему морковка, значит, пускай он её ест. Зато он был преданным другом и хорошим товарищем. Он не оставлял меня даже в самых сложных ситуациях. Правда, у него был один существенный недостаток: он не умел говорить, то есть вообще не умел! Не дал Господь ему такого дара, как речь. Проглядел он это. И в результате кто-то трещал без умолку, а Серый по высшему недосмотру и слова сказать не мог! Но меня это не сильно напрягало. Я понимал приятеля и так – по взгляду, по движениям, по его забавной мимике. Например, когда он ест свою морковку, его челюсти так уморительно двигаются, что мне иной раз хочется рассмеяться. Но я себе этого не позволяю, чтобы не обидеть друга.

Над нашим убежищем мелькнула тень, и мы притихли, стараясь не издавать ни звука. Нам не повезло. Тень, падающая на стены башни, стала стремительно увеличиваться, и, наконец, массивное тело опустилось на прикрывающие нас доски. Я вытащил меч и, задрав голову, наблюдал, как, жалобно застонав под тяжким весом, прогнулся дощатый навес. Серый тоже бросил свою морковку и приготовился. Я поднял вверх указа-

тельный палец, призывая его не шевелиться, а сам маленькими шажками подсеменил ближе к краю навеса, под которым мы укрывались.

Мне уже было понятно, кто почтил нас своим гнусным присутствием. Чёрный глотатель! Препротивнейшее создание. У этого летающего монстра был огромный мощный клюв, и он им умело пользовался. Например, он мог в считанные минуты разнести в щепки доски, по которым сейчас прогуливался. Он нас давно уже почуял, но понимал, что если разломает доски и спустится к нам, то выбраться из башни уже не сможет. Размах крыльев у него слишком большой, и он просто не сможет их развернуть внутри строения.

Я знал, как глотатель поступит, сталкивался уже с ним. Он будет разрушать доски до тех пор, пока под ним не останется несколько штук, а потом спокойно опустит вниз башку и своим мощным клювом выцепит нас, как червяков. Сейчас главное – не промахнуться. Я перехватил поудобнее меч и застыл, ожидая, когда... Огромные черные когти ухватились за край досок!.. Они были настолько большими, что загибались вниз, на нашу сторону. Два быстрых взмаха мечом, и наверху раздался дикий ор и ошалелое хлопанье могучих крыльев, от движения которых поднялась туча пыли, скопившаяся за долгие годы в башне.

Я, можно сказать, убил глотателя, нанеся ему, казалось бы, незначительные повреждения в виде отрубленных когтей. Не сможет он теперь сесть, ведь когти служили для этого опорой. Да и с лёта он теперь свою добычу не сможет схватить, разве что культянками ей по голове настучит. От голода он теперь окочурится.

Серый был доволен, у него с этими летающими бандитами свои счёты. Однажды один из них его чуть не сожрал. Благо он парень спортивный, ноги накачанные. Он так приложил ногами эту тварь снизу по клюву, что тот, наверное, сотрясение своей безмозглой головы получил! А пока ошалевший от удара монстр приходил в себя, Серый был уже далеко. Бегает он, будь здоров! Даже я не могу с ним в этом тягаться.

До цели нашего похода остался один переход, самое сложное в нём будет – перебраться через скалы. Сами по себе они невысокие, всюду проложены тропы, иди не хочу. Приятель мой вон может даже бегом по этим тропинкам бегать. Но я на правах старшего ему это категорически запрещаю. Слишком уж много на скальных тропинках поворотов, за которыми тебя может поджидать всё что угодно.

На этот раз я шёл первым. Серый не возражал, он понимал, что я эти скалы знаю лучше. В конце концов, я физически сильнее его и, если что, смогу в первый момент дать отпор, пока он придёт на помощь. Неладное я почувствовал, когда мы уже преодолели полпути. Вернее будет сказать, не почувствовал, а увидел, как с верхушки большого обломка скалы скатились несколько камней. А это было неправильно, не должно там быть никаких камней. Был я на этой скале. Чисто там всё. Ничего там нет. А это значит, что нам готовят встречу шушурь. Невысокие рукастые твари, которые на своих коротеньких ножках медленно передвигаются, зато мощно и с удивительной меткостью кидают своими длинными руками камни, заранее подготовленные в засаде.

Нам повезло, что какой-то из шушур облажался и выдал себя, случайно столкнув со скалы свои снаряды. А если бы я беспечно вышел из-за поворота, то обязательно получил бы камнем между глаз.

– Ладно, – пробормотал я, – хочешь, не хочешь, а посмотреть, где они расположились, надо. И я, осторожно выглянув из-за большого валуна, сразу же спрятал голову обратно. Осмотреться как следует не успел: в край валуна, в то место, где буквально секунду назад была моя голова, с силой ударился и разлетелся на куски довольно большой камень. Но основное я успел увидеть. Шушурь всей своей стаей сгрудились у левого края скалы. И если их не угробить, то нам придётся возвращаться назад, так как они будут сидеть в засаде до тех пор, пока не добудут себе пропитания, прибавив кого-нибудь камнями.

Надо поторопиться, пока все они находятся в одной куче. И на них вполне может хватить одной гранаты, которая, кстати, одна у меня и осталась.

– Серый, давай следи за тропой и за шушурами, а я полезу наверх, на валун, и оттуда постараюсь забросить к ним гранату.

Серый кивнул и точно так же, как и я, пригнувшись к самой земле, выглянул из-за валуна.

Пока шушурь обстреливали приятеля, я торопливо лез на валун, за которым мы скрывались, и радовался тому, что этот валун выше скалы, где притаились шушурь. Да, место действительно было удачное. Эта длиннорукая дрянь была подо мной как на ладони. Играть в супермена я не стал. Из своего укрытия осмотрелся, рассчитал траекторию, а потом, слегка при-

поднявшись, по плавной дуге отправил шушурам пламенный привет.

Дальше бежали почти что бегом, и на этот раз я приятеля не останавливал. Взрыв гранаты разбудил скальника, и нам пришлось спасаться бегством, так как его не возьмёшь тем оружием, которое имелось у меня в наличии.

Вроде бы оторвались, и я скомандовал перейти на шаг. Всё! Почти прошли скалы, осталось только спуститься с небольшой площадки, где мы сейчас стояли, в долину... Прямо перед нами, из расселины, пыхтя как паровоз, выбрался ещё один скальник и уставился на нас маленькими белёсыми глазками. Второй был у нас за спиной, он шёл за нами, и, если мы что-нибудь не придумаем, будет совсем плохо. Я медленно вытащил из набедренной кобуры обрез и навёл его на чудовище. Это создание более-менее разумное. Может, испугается? А с другой стороны, откуда он может знать, что я держу в руках! И я выстрелил. Скальник, получив в грудь заряд картечи, сделал невольный шаг назад.

То, что произошло потом, вогнало меня в некоторый ступор. Серый, сделав пару шагов назад для разгона, рванулся вперёд и изо всех сил ударил скальника ногами в грудь. Тот сделал назад ещё один шаг и, ступив на самый край площадки, потерял равновесие, покачнулся. Я понял, что хотел сделать Серый, поэтому перезарядил обрез и опять выстрелил. Монстр стоял, покачиваясь, на краю обрыва, словно раздумывая, в какую сторону ему податься. Вперёд – к нам, или назад – в бездну. Выбор за него сделал Серый, он опять подпрыгнул и ударил его ногами!.. Я не стал рассматривать упавшего в пропасть скальника, и так ясно – живым

он остаться не мог. И его мохнатую тушу, несмотря на крепость кожи, в конце концов кто-нибудь да сожрёт.

– Ну что, братан, – обратился я к Серому, – последний рывок остался. Как обычно действуем?

Приятель глянул на меня своими круглыми карими глазами и кивнул. Ну а что ту неясного, это который уж раз. Всё отработано.

– Тогда вперёд! – рявкнул я и сорвался с места.

Сначала мы бежали рядом, плечом к плечу, бежали как можно быстрее, чтобы проскочить по возможности больший отрезок пути. Пока нас не заметили и не начали на нас охотиться местные, низинные твари.

Мы бежали к огромному замку, возвышавшемуся перед нами. Этот замок и был целью нашего похода. Эх, проскочить бы незамеченными! Нет! Не судьба! Откуда-то сверху раздался тонкий и противный звук.

– Серый! Свистуны проснулись! – проорал я. – Давай как обычно вперёд, пускай они на тебя летят! Серый услышал и, резко ускорившись, оторвался от меня метров на десять. Свистуны – неповоротливые и медлительные летуны. Они нападают небольшими стаями. И в них, как правило, легко попасть. Но обрез здесь уже не поможет. Их гораздо больше чем два. Поэтому я вытащил верный и сто раз испытанный ПМ. Первый пошёл. К Серому устремился самый быстрый из стаи, и я сшиб его с первого же выстрела. А вот и второй! Выстрел... мимо. Ещё разок... готов!

– Вперёд, вперёд! – заорал я, увидев, что приятель начал оборачиваться. – Беги, не смотри назад! Немного осталось!

А потом мне уже пришлось стрелять, почти что не целясь, так как свистуны наконец-то нас нагнали и на-

валились на Серого всей кучей. Промахнуться было практически невозможно. ПМ не подвёл! Он никогда меня не подводил. Для того чтобы уничтожить крутившихся над Серым свистунов, мне пришлось расстрелять два магазина. Но я справился!

Не снижая скорости, несёмся дальше. А это ещё что такое!? Справа нам наперерез накатывается здоровенный рыжий шар. А-а-а-а! Понятно, зубоскал! Вот только он почему-то другого цвета. Зубоскал накатывался быстро. Станным в нём было то, что сам он катился, а его большой зубастый рот и единственный глаз находились на одном месте! Они не катились и не крутились вместе с телом. Этого надо картечью!.. На! На!.. Всё! Этот урод готов! Последний рывок!..

Вот и замок! Или, точнее будет сказать, дом! Он навалился на меня всей своей успокаивающей мощью, и я перешёл на шаг!.. Ну вот мы наконец-то и дома! Я, уже не торопясь, зашёл на открытую веранду, вставил ключ в замочную скважину и повернул, с удовольствием услышав, как где-то внутри смачно щёлкнул механизм замка.

Первым в дом как обычно заскочил Серый и сразу же скрылся на кухне. Я усмехнулся: «Кто бы сомневался! На кухне хранится его любимая морковка, и он как никто это знает!». Зашёл следом за приятелем, закрыл дверь и, глубоко вдохнув родную атмосферу дома, пошёл к себе в комнату. Прямо от дверей бросил рюкзак на стул, стоящий возле стола, стянул разгрузку и, положив её на рюкзак, направился в ванную комнату. А то пока воевал с нечистью, вывозился весь как поросёнок.

Из ванны вернулся на кухню и засмеялся, увидев, как Серый стоит посреди кухни и обиженно водит ушами.

– Что, брат? Обломилось тебе? Нет еды на привычном месте!

Я подошёл к холодильнику и вытащил из него морковку. Затем подхватил Серого на руки и, посадив его на широкий подоконник, подсунул морковку ему под мордочку. Потом вытащил из холодильника бутылку молока, сцапал самый большой кусок яблочного пирога и забрался к Серому на подоконник.

Так мы с ним и сидели. Ели, смотрели на беснующихся за окном монстров и думали каждый о своём. Я, конечно, не знаю, о чём думал мой кролик, но я думал о том, что говорила мне моя мама.

Года три назад я пожаловался ей на то, что на улице очень страшно и меня все хотят обидеть! Она засмеялась и сказала, что она это знает и что с каждым днём опасностей, которые поджидают меня на улице, будет всё меньше и меньше. И в один прекрасный день они исчезнут совсем! Ко мне обязательно придёт то время, когда я с радостью и грустью буду вспоминать эту опасную, но счастливую пору. И мне очень захочется сюда вернуться, чтобы хотя бы разочек испытать то, о чём я уже почти совсем забуду!

Наверное, всё так и будет, как говорит мама. Я верю ей! А пока это время не пришло, я жду, когда папа раздобудет для меня гранатомёт, и тогда мне уже будут не страшны скальники.

Я шмыгнул носом и опять откусил большой кусок мамино пирога. Пока я был занят собственными мыслями, Серый своей мордочкой столкнул морковку

на пол. Я потербил ему ухо и полез за закатившейся под стол морковкой.

Всю свою сознательную жизнь, с того самого момента, как я осознал себя личностью, на протяжении шести лет, я воспринимал свой дом как крепость. Как огромную неприступную крепость, которую не сможет преодолеть ни одно зло, какое бы сильное оно ни было! Родной дом всегда победит. Дом для меня является не только самой совершенной и мощной защитой, но и основой моей жизни! И так будет до тех пор, пока меня в этом доме ждут. Ждут все! И мама, и папа, и сам дом ждёт! Я чувствую, как он облегчённо вздыхает, когда я к нему возвращаюсь. И как он напряжённо поскрипывает половицами, когда я ухожу.

Когда я вместе с морковкой опять забрался к Серому на подоконник и посмотрел в окно, то увидел, как среди окруживших дом тварей началась какая-то суета. Они начали метаться перед домом взад и вперёд, словно забыли, зачем вообще сюда собрались! А потом они все разом, как по команде, в ужас рванули от дома в разные стороны.

Быстрее всех, завывая от страха, улепётывал неубиваемый скальник, за ним, заполошно молотя крыльями, как перепуганная ворона, летел глотатель. Последним, отчаянно помогая себе корявыми ручками и закрыв от страха глаз, укатился зубоскал, по пути намотав на себя колючего верёвочника.

Я довольно улыбнулся. Я уже знал, что произошло, и вышел на веранду. Я знаю, кто внушает такой ужас тварям. Я знаю, от кого все они разбегаются как чёрт от ладана! Моя мама!.. Мама для них для всех – непреодолимая и страшная сила! Сила, сметающая всё

на своём пути! Мне часто говорят, что я уже большой и должен вести себя соответственно. Не бегать, где не надо! Не прыгать!.. Не орать, когда хочется поорать!.. Но только не сейчас! И я, раскинув руки, радостно заорав, побежал маме навстречу!..

Игорь Ильницкий

г. Алматы, Казахстан

Цветочный гном

Сказка

**Мальчик, сидя за столом,
Рисовал карандашом
Преогромного кота
Из соседнего двора.
На окне стоит горшок,
В нем растет большой цветок.
Из него выходит дед
В золотой кафтан одет.
Шапка красная кружком
И сапожки с серебром.
На руку надет браслет,
Из браслета виден свет.
Мальчик трет свои глаза,
Происходят чудеса.
Покачал он головой:**

**«Может это домовой?
Кто ты, дедушка, такой,
С длинной белой бородой?
Никогда не видел я
Вот такого старичка».**
**«Звать меня цветочный гном,
Я живу здесь под цветком,
А горшок и есть мой дом!» –
Отвечает ему гном.**
**Старичок залез на лист
И издал короткий свист.
Мальчику сказал: «Привет!»,
Протянул ему браслет.
«Ты быстрее надевай
И в горшочек полезай.
Станешь маленьким, как я,
В гости я возьму тебя».**
**Мальчик руку вдел в браслет,
Стал он маленьким, как дед.
Быстро прыгнул на цветок,
А затем уже в горшок.
Дед мальчишку поддержал,
По цветам гулять позвал.
Скачут вместе по листкам,
По душистым лепесткам.
Мальчик гному говорит:
«Хорошо герань стоит!
Сколько зелени на ней,
Каждый раз люблюсь ей!»**
**Гномик прыгать перестал
И в ответ ему сказал:
«Расскажу я о горшке
И, конечно, о цветке.
Звать фиалкою цветок –**

**Разноцветный лепесток.
Ряд тычинок у цветка,
Вроде желтого венка.
Все внимание в окне
Привлекает он извне.
Красотой своей сияет,
Напряжение снимает.
Глаз хозяйки ублажает,
Настроение поднимает.
Круглый год цветет цветок,
С ним наряднее горшок.
На растенье погляди
И цветочек оцени.
Необычно хороша
У фиалки днем душа.
Листья мягкие на ней,
Как ладошки у детей.
Цвет зеленый у листа –
Неземная красота.
Надо нам цветы любить
Комнатной водой поить,
С добрым словом подходить
И подольше с ними быть».
Долго гномик говорил,
Мальчик будто бы застыл.
Стал цветок он понимать,
Стебель крепче обнимать.
В свой свисточек дед свистит,
И по стеблю вниз скользит.
А мальчишечка за ним –
Бегать весело двоим.
Дед кусок земли убрал –
Норку мальчик увидал.
Взял листок он и, как дед,**

Заскользил за ним вослед.
Оказались у реки.
Там светились огоньки.
Словно чудо-маяки
Веселились мотыльки.
На реке ладья стоит,
Парус на ветру шумит,
Весла сушатся на ней,
Ждет давно она гостей.
Сели быстро на ладью
И поплыли в ту страну,
Где у гнома дом стоит,
А из яблонь сад шумит.
Вышли с дедом на причал.
Там кузнечик их встречал
И на скрипочке своей
Песню пел как соловей.
Прошагали через сад
К дому гнома в палисад.
А на дереве оса
Яблоки грызет, вися.
С веток яблочки срывает,
В деда с мальчиком бросает.
Зло на них оса жужжит,
Деду строго говорит:
«Я теперь хозяйка здесь
И ко мне ты ,дед, не лезь,
А то мигом прилечу,
Вас обоих проучу».
Испугался дед, упал.
Гномик громко зарыдал:
«Что же делать мне теперь?
Жалко яблочных потерь».
Мальчик гномика поднял

Успокоил и сказал:
«Принеси карандаши
И тихонечко дыши.
Нарисую я кота,
С головой как у кита.
Испугается оса
Улетит от нас гроза».
Мальчик сделал гному флаг,
Будет им повержен враг,
Воевать идут друзья
Будто дружная семья.
Испугалась оса,
Заметалась как лиса.
Улетела без следа
Далеко и навсегда.
Гномик мальчика обнял,
Яблочко ему сорвал,
Подарил еще браслет.
Ох, уж чудный этот дед!
Проводил он смельчака
До цветочного горшка.
Наказал цветы любить,
К деду в гости заходить.

Царёк

Басня

Существуют острова,
Вторит нам о них молва.
Там царёк один сидит,
Папуасами «рулит».
Власть он сам себе вручил,
А народ тот не спросил.
И теперь этот царёк

Будто маленький божок.
Все его должны любить,
На лету слова ловить.
И приказы выполнять,
Те, что будет отдавать.
Есть на острове ослы,
Многие ему милы.
Лично возят его «зад»
Жарким днём на водопад.
В речке с головой купают,
На песке с ним загорают.
Рыбу ловят для него –
Господина своего.
А макаки, как друзья,
Стол накроют для жулья.
Будут в джунглях пировать,
Свиту эту ублажать.
Царь наестся – будет спать,
Но портфель в руках держать,
Чтоб не отнял у него
Бегемот, скорей всего.
Ой, как трудно власть держать
И ослов своих гонять!
Как же бедному ему
Протянуть ещё весну?
Вдруг на пальме попугай
Громко крикнул: «Ай-ай-ай!»
Лев идёт сейчас сюда,
Берегитесь господа!
Наведёт порядок он
И займёт по праву трон.
Папуасы не терпите,
Самозванца прочь гоните!»
Что тут в джунглях началось,

**Крики, слюни вкривь и вкось.
Царь портфель свой прихватил,
На осле к реке свалил.
Там его он закопал,
Оступился и упал,
А голодный крокодил,
Портфель в воду потащил.
Прыгнул в реку царь за ним,
Зашатался мир под ним.
Крокодил портфель сожрал,
Божество с собой забрал.
Все на острове теперь
Живут дружно без потерь.
Без царька всё расцвело,
На душе у всех светло.**

**Если кто-то склонен к власти,
Пусть умерит свои страсти.
Значит, надо вам друзья
Знать приличия края.
За короной не гоняться
Сладкой жизни не держаться,
Трон искать не на земле,
А в народной похвале.**

Юрик (Юрмет) Нагиев

г. Набережные Челны

Маленькая фея

Пятилетняя Алина была на седьмом небе от счастья. Вчера к ним домой приходил Дед Мороз и у него был целый мешок подарков. Дед Мороз спросил, какой подарок девочка желает. Недолго думая, Алина попросила волшебную палочку.

– Сейчас мы её достанем, – басом, почему-то очень похожим на папин, проговорил Дед Мороз.

Искал он долго. Наконец, не выдержав, к поискам подключилась и мама.

– Да вот же она! – радостно вскричала девочка, показывая рукой на макушку ёлки.

– Как она там очутилась? – удивились мама и Дед Мороз, складывая рассыпанные подарки обратно в мешок.

Алина прижала к сердцу волшебную палочку и загадала первое желание в свои пять лет, прежде чем коснуться кого-нибудь или чего-нибудь. Мама и Дед Мороз переглянулись – девочка шла к ним. Дед Мороз рванул в ванную комнату, а мама вынесла мешок подарков на балкон и плотно закрыла дверь.

– Жаль, что Дед Мороз так быстро ушёл, – жалобно произнесла девочка.

– А что ты загадала, доча? – ласково спросила мама, поглаживая золотые кудри дочери.

– Я хотела посмотреть на дедушку Мороза без бороды и шапки. Уж больно похож на голос папы! – воскликнула девочка, кружась в танце и размахивая волшебной палочкой.

– А вот и я! – в коридоре показался папа. Сняв пальто, он зашёл в ванную комнату.

Умывшись, папа присоединился к семье.

– Папа! Какой ты у меня красивый! – произнесла маленькая девочка, обнимая отца за шею.

– И вы у меня с мамой красавицы! – проговорил папа, взглянув на жену.

Жена накрывала на стол и, кажется, была занята своими мыслями.

– Мама, папа, идите сюда! – воскликнула девочка. – Я загадала желание. «Чтобы вы больше никогда не ссорились!» – прошептала маленькая девочка, касаясь волшебной палочкой макушки папы и мамы.

Папа Алины работает водителем автобуса. Так как в праздничные дни детский садик не работает, то на следующий день Алина поехала на отцовском автобусе по городскому маршруту. Она тихо сидела на месте кондуктора, задумчиво глядя в окно, пока мама собирала с пассажиров деньги за проезд. За окном мелькали красиво наряженные дома, освещённые разноцветными люминесцентными лампами. Яркие рекламные щиты с обеих сторон дороги приятно радовали девочку. На остановках в автобус шумно вваливались весёлые компании горожан и гостей. Иногда

по низким ступенькам в салон автобуса поднимались одинокие, никуда не спешащие, пожилые люди. Молодые вставали с мест, вежливо предлагая старикам место. Тогда лица пожилых людей освещали улыбки, и они сердечно благодарили родителей, воспитавших таких приятных, вежливых молодцов.

Автобус плавно притормозил на очередной остановке. Шумная компания молодых юношей и девчат покинула салон, на ходу распевая песни.

В салон автобуса вошла статная пожилая женщина. Она улыбнулась Алине и села на свободное место напротив. Автобус поехал дальше. Через несколько остановок старушка встала и, снова улыбнувшись девочке, прошла к выходу.

– Женщина! Оплатите, пожалуйста, за проезд! – услышала Алина резкий голос матери. От неожиданности старушка вздрогнула.

– Простите! Забыла! – пожилая женщина смущённо улыбнулась и долго рылась в потрёпанном старом кошелке.

Папа терпеливо ждал, не закрывал двери автобуса и не трогался с места. За старушкой стояла мама, чувствуя нарастающую неловкость.

Наконец старушка дрожащими тонкими пальцами достала монету и протянула кондуктору.

– Тут всего пять рублей! – растерянно проговорила мама. – Проезд стоит двадцать два рубля.

– Мы спешим! Скоро бой курантов! Не задерживайте автобус! – в адрес старушки посыпались недвольные реплики.

Маленькая девочка стремительно встала с места. Приблизившись к старушке, она что-то прошептала

про себя. Затем коснулась волшебной палочкой монеты на ладони старушки. Сияющие глаза девочки и старушки встретились. По щеке старушки скатилась слеза. Она ласково погладила Алину по голове и направилась к выходу.

– Возьмите, пожалуйста, сдачу! – воскликнула мама-кондуктор, запихивая в ладонь старушки сто рублей.

– Спасибо! – вытирая глаза, проговорила старушка.

Автобус медленно отъехал от остановки. Мама обняла дочку и что-то горячо шептала ей на ушко, целуя её пунцовые щёки. Из всего сказанного мамой маленькая девочка поняла лишь несколько слов: «Прости меня, моя маленькая фея!»

Семейная записка или Пополнение семейного бюджета

Вторую неделю Коля не выходил из дома.

Строго-настрога запретили родители. Да и мама с папой целыми днями сидят дома.

– Почему так? – задавался вопросом четырёхлетний мальчик. Он очень хотел выбежать во двор, покататься на любимой карусели, поиграть в песочнице с Мишей из второго подъезда, с Васей из первого подъезда и со многими другими ребятами, многие имена которых он не запомнил. Но больше всего ему хотелось повидать Машу из соседнего дома, куда он втайне от мамы убегал. Там он подружился с маленькой девочкой по имени Мария – Маша. Сначала мальчишки из

соседнего двора были настроены агрессивно, а потом и они подружились с Колей.

Коля по-прежнему каждый день убегал туда, не предупреждая маму. Но потом выяснилось, что мама догадалась, куда убегает её любимое чадо. Она из-за деревьев палисадника с улыбкою наблюдала, как весело играли дети с его маленьким сыночком.

Из окна Колиной квартиры на третьем этаже весь двор был как на ладони. Некогда оживлённый двор, заполненный звонким детским смехом, криками и шумом машин, опустел. Коля не мог выйти во двор так же, как и его сверстники. К тому же и взрослых дядь, тётъ и бабушек с собачками не было видно ни на улице, ни во дворе.

Детские карусели и горки были закрыты и опоясаны красной сигнальной лентой. От опустевшей, сиротливого вида детской площадки больно защемило под сердцем.

Откуда-то появлялись редкие прохожие, которые куда-то торопились с авоськами или сумками в руках.

«Что же такое могло случиться, что разом исчезли люди с улиц и дворов?» – горестно размышлял карапуз.

В комнату вошла мама. Следом папа. Они посмотрели на сына, который молча стоял у окна и с печалью в глазах смотрел на улицу.

– Иди, сынок, включи телевизор, сейчас мультики начнутся! – потребовала мама.

Коля слез с табуретки. Потёр покрасневшие колени. Лениво зевнул и молча прошёл в детскую комнату.

Почему мама с папой часто просят меня уйти из зала в детскую? Почему они там уединяются? А после

выходят с виноватыми лицами. Мама обнимает сына, а папа треплет Колину шевелюру. Потом папа куда-то уходит. Но очень скоро возвращается обратно с продуктами и с любимым Колиным мороженым. Тогда дома начинается настоящий праздник. Семья весело располагается на кухне, уплетая аппетитные мамины угощения. А потом все дружно пьют чай.

Однажды, когда мама и папа очередной раз велели сыну пройти в детскую, Коля по ошибке включил не тот канал и попал на показ фильма про ужасиков. Испугавшийся мальчик выбежал из детской и с криком «мама!» ворвался в зал и застыл на месте от увиденного: мама с папой считали деньги. Коля, хотя и был маленьким, хорошо знал, что эти бумажки – деньги.

– Что с тобой, милый! Ты испугался? – мама обняла сына и усадила карапуза на колени, покачивая из стороны в сторону.

– Ты что, не могла включить его канал? – упрекнул папа, виновато теребя сына чуб. – Перестань сырость разводить! Успокойся! И впредь без стука в дверь не входить! Понял?

– Угу! – прошептал малыш, засыпая в тёплых объятиях мамы.

Проснулся Коля в кровати. Мама тихонько напевала какую-то грустную песню и возилась с посудой на кухне. Раздался звонок в дверь. Мама открыла. Вошёл папа с авоськами, полными продуктов.

– Папа купил мороженое! – радостно воскликнул карапуз, соскакивая с кровати и подбегая к отцу. – Давай, папа, я тебе помогу!

Папа подал малышу маленький свёрток и тихо прошептал ему на ухо: «Иди, угощай маму мороженым!»

С каждым днём мальчик всё больше замечал, что грусть охватывает родителей. Что что-то печалит их.

– Иди, сынок, к себе в комнату! – чуть не плача, проговорила мама в этот раз, тяжело вздыхая. Папа вышел на балкон, потом быстро вернулся с каким-то свёртком. Вошёл в зал, плотно прикрыв за собой дверь.

– Это что такое!? – недоумённо воскликнул папа, заканчивая разворачивать газету, в которую были завернуты деньги – семейная заначка. Сверху бумажных купюр лежали чистые листочки – «деньги» с разными «номиналами» – цифрами, старательно выведенными детской рукой.

– Коля постарался пополнить наш семейный бюджет? – загадочно произнесла мама. Потом с улыбкой добавила. – Хороший сын у нас растёт, заботливый, всё понимающий!

– Сын у нас растёт не годам, а по дням! – довольно произнёс папа, поглаживая усы. – Смышлёный малый! Только пусть больше не режет чистые листы. Дай ему кипу старых газет для такого случая. Они тоже годятся для пополнения нашего семейного бюджета. А то ещё не ясно, сколько ещё продлится наша «самоизоляция»...

– Ах! Как я устала в четырёх стенах! Как я хочу на работу! – грустно произнесла мама.

– Я тоже! – задумчиво произнёс папа.

Когда они обернулись, то увидели, как карапуз с задумчивым лицом прошагал к себе в комнату.

– Сейчас он найдёт нам работу! – улыбаясь, произнес муж и обнял жену.

Алона Китта

г. Нетания, Израиль

Крест княгини

Ольги

**Приехала княгиня Ольга
Псков навестить из дальних мест.
С реки взирает взглядом долгим
На дикий берег, темный лес.**

**Туман ночной лежит окрест,
И звезды среди туч мерцают.
Вдруг видит: три луча и крест
Вознесся и во тьме сияет.
И что же это означает?**

**Кричит сова над темным бором,
В округе рыщет хищный зверь.
А Ольга молвила: «Собору
На этом месте быть теперь.**

**Немало горя и потерь
Судьба сулила землям Пскова,
Но шепчет сердце: «Богу вверх
Дела». И с берега крутого
Я вижу знак креста святого».**

**И в Пскове, граде пограничном,
Собора камень заложен.
И Троицы защиты личной
Навечно удостоен он.**

**И пусть с течением времен
К нам ломятся в дверь супостаты.
Собора колокольный звон
Нас охраняет от проклятых,
И крест святой, как злу преграда.**

Мария Осташова

г. Пермь

Бука. Сонный фей

- Мне, мамочка, не спится,
Поговори со мной!

И мама рядышком садится,
Чтоб поболтать пред сном.

- Узнала я, что Бука есть.
- А кто это такой?
- Это высокий монстр,
Лохматый и большой.
Боюсь я даже пяточки
Достать из-под одеяла –
Меня он схватит, унесёт...
Ты о таком не знала?

Задумчивая мама
Тихонечко сказала:
- А ты попробуй, милая,
С ним подружись сначала.
Ведь ты его совсем не знаешь,
Вдруг Бука и не злой?
Что если он хороший?
Твой новый гость ночной?

Лежит Варюша, спрятавшись
Под тёплым одеялом.
- Ну ладно, мама, спать пора...
Я посмелее стала.

Варюша вдруг глаза открыла,
А в комнате темно.
Родители уж сладко спят.
И братик спит давно.

Варвара смотрит в угол,
И в свете от окна
Мерещится ей монстр,
Большой, до потолка...

Но испугаться Варя
Спросонья не успела.
Он всхлипывает часто...
Он плачет! Вот в чем дело!

Собрав остатки храбрости,
Девчушка прошептала:
- Ты что такое? Кто такой?
Чего тебе здесь надо?

Огромный монстр, чуть дыша,
К Варюше повернулся...
И вдруг от страха задрожал,
Немного пошатнулся...
И уменьшаться резко стал!
Вот странные дела!
Такого от страшили
Она ждать не могла.

Размером монстр уже со шкафчик
- Эй, а это что с тобой?
Молчит, от страха лишь дрожит,
Трусишка он такой!

- А почему ты вниз растешь?
Ну, стой же, погоди!
А монстр наш размером с Варю!
Ты только погляди!

- Остановись, пожалуйста!
Размером ты с игрушку!
Ведь ты исчезнешь так совсем!
Остановись, послушай.

И вот наш бывший монстр
Размером с таракана.
Бояться больше смысла нет –
Смешно Варюше стало.

Она с кровати прыгнула,
К страшилке подошла.
А он сидит, не двигаясь,
И даже ни ля-ля.

- Ты так глядишь растерянно,
Зачем я так с тобой?
Гостей так не встречают.
Встречают добротой.

Варюша сбегала на кухню,
Печенье прихватив.
А монстрик маленький сидит
По-прежнему. Притих.

- Возьми, вот, хочешь? Угощайся!
Попробуй печенюшку.
Страшилик долго наш не думал,
Зачавкал словно хрюшка.

На Варю снизу вверх взглянув,
Немного он подрос.
И тихо, неразборчиво

Забормотал под нос:

- Тебя боялся я всегда...
Но, вроде, ты не злая...
А раньше, приходил когда,
Стоял я не моргая!
Всегда старался не шуметь
И в уголке топтался...

- Ну как такое сочинить,
Дружок, ты постарался?
Меня все Варечкой зовут.

- Я Бука. Сонный фей.
Я ведь все время здесь сижу –
Не счесть, сколько ночей.

Страшилка снова вырос.
Уселся поудобнее,
Вконец утихомирясь,
Всё рассказал подробно.

- Все Буки ходят по ночам
И охраняют сны
Детей, что верят в чудеса.
Все Буки молодцы!
У нас одна работа –
Плохой ваш сон прогнать.
Хотя нам и охота

Порой самим поспать.
Мы не хотим, чтоб вы боялись,
Чтоб плакали, кричали.
Все Буки очень добрые,
Помочь лишь вам мечтали!

От страха Буки исчезают,
Но как уйдет беда,
Обратно быстро вырастают.
Увы, не навсегда.

- А почему тогда меня
Ты сильно так боишься?
И Бука свой потупил взор,
Как будто застыдившись.

- Ну... ты такая...
Лохматая всегда...
И руки длинные – смотри!
И лысая спина...
Ты громче всех в ночи кричишь,
Боюсь, когда увидишь,
Тогда меня не пощадишь,
Проглотишь иль обидишь...

- Не бойся, Бука!
Я феечек не ем!
Варюша Буку обняла.
- Поверь, не ем совсем!

- А почему ты плакал, Бука?
- Мне не с кем говорить,
Меня все дети сторонятся
И не хотят дружить.
Но если ты моя подруга,
То стану я счастливей.
Бояться не за чем друг друга,
И быть таким трусливым!

В небе светится Луна,
Все в доме спят давно.
И только Бука с Варею
Уставились в окно.

Как много нужно рассказать,
Поведать им секретов,
Ведь скоро Буке уходить –
Исчезнет он с рассветом...

Промчался следующий день
Приходит время спать.
Дочурке мама говорит:
- Варюш, пора в кровать!

- Ура, мамуля! Всем пока!
- Ой, Варя, ты чего?
- Я просто, мама, Буку жду.
Дружочка своего!

Что за прелесть эти сказки

Международная Литературная Ассоциация "Добро"

Что за прелесть эти сказки

Москва, 2020г.